

Фрэнк Герберт

ДЕТИ

ДЮНЫ

Фрэнк Герберт
Дети Дюны
Серия «Вселенная Дюны»
Серия «Хроники Дюны», книга 3

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122118
Фрэнк Герберт Дети Дюны: АСТ; М; 2016
ISBN 978-5-17-100325-8

Аннотация

На политическом ландшафте Арракиса появляются новые игроки – наделенные сверхспособностями и даром предвидения дети Пола Атрейдеса, близнецы Лето и Ганима. Дети, лишенные детства. Дети, которым придется проявить мудрость и стойкость, чтобы выжить самим и спасти человечество...

Содержание

* * *	16
* * *	27
* * *	35
* * *	40
* * *	54
* * *	68
* * *	71
* * *	80
* * *	90
* * *	100
* * *	121
* * *	126
* * *	151
* * *	169
* * *	189
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Фрэнк Герберт

Дети Дюны

Frank Herbert

CHILDREN OF DUNE

Печатается с разрешения Herbert Properties LLC и литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Серия «Хроники Дюны»

© Frank Herbert, 1976

© Перевод. А. Анваер, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Учение Муад'Диб стало ристалищем схоластики, суеверий и разврата. Он же учил умеренной жизни, философии, с которой человек мог противостоять тяготам вечно изменчивой вселенной. Человечество, учил Муад'Диб, развивается, и процесс этот не кончится никогда, поскольку зиждется он на изменчивых принципах, известных одной лишь вечности. Но как, скажите вы мне, может развращенный ум

*пользоваться такой сущностью?
(Слова ментата Дункана Айдахо)*

На толстом красном ковре, покрывающем влажный пол пещеры, вдруг заплясало пятно света. Он падал как бы ниоткуда, казалось, этот зайчик существует сам по себе на колючем ворсе ковра. Беспорядочно перемещаясь, становясь то круглым, то овальным, пятно, стремительно изогнувшись, переползло на зеленое одеяло, свисавшее с лежанки.

Под зеленым одеялом спал младенец, он был совсем по-детски круглолиц, рот был очень большим – в мальчике не было присущей фрименам скупости черт, как, впрочем, не было и водянистой полноты, столь характерной для выходцев из *того* мира. Пятно света скользнуло по глазам ребенка, и маленькая фигурка шевельнулась. Свет исчез.

Теперь в пещере раздавалось только тихое дыхание и едва слышное падение капель с козырька на поставленную у входа бочку.

В темноте снова блеснул свет, теперь он был явно сильнее на несколько люменов, со светом появился и его источник – проем входа в пещеру, на фоне которого замаячила фигура в капюшоне. Луч света, словно пригнувшись, снова начал стремительно рыскать по углам и сводам. В этой пляске таилась какая-то угроза, тревожное недовольство. Обогнув спящее дитя, свет пробежал по забранной решеткой воздушной отдушине, потом по складкам золотисто-зеленых занавесей, скрадывавших грубые каменные стены.

Свет мигнул и погас. Раздался предательский шелест плаща, и фигура мужчины в капюшоне застыла под сводчатым потолком входа. Каждый, кто был знаком с обычаями сиетча Табр, тотчас догадался бы, что это Стилгар, наиб сиетча, опекун и страж высокородных близнецов-сирот, которым предстояло унаследовать мантию своего отца – Пауля Муад’Дибя. Стилгар был частым ночным гостем в пещере брата и сестры, заходя сначала в покои Ганимы, а потом в примыкавшую к ним спальню Лето.

Я старый дурак, подумал Стилгар.

Он провел пальцами по холодной гладкой поверхности светового проектора, прежде чем спрятать его в сумку, подвешенную к поясу. Этот проектор невыносимо раздражал Стилгара, постоянно напоминая о своей магической власти над ним. Проектор был тончайшим инструментом, главным прибором империи, умевшим обнаруживать присутствие людей и животных. Сейчас в королевских покоях не было никого, кроме мирно спящих детей.

Уж кто-кто, а Стилгар знал, что его собственные мысли и чувства были куда сильнее проектора. В опекуне горел неугасимый внутренний свет. Этот свет направлял все движения души Стилгара; вот и сейчас этот дьявольский внутренний луч высвечивал все зло этой сильной натуры. Прямо перед ним лежит мальчик, воплощающий магнетическую мечту о вселенском величии. Вот они – преходящие богатства, светская власть и сильнейший мистический талисман:

божественная копия религиозного наследия Муад'Диб. В этих двойняшках – Ганиме и Лето – сконцентрировалась мощь, внушавшая благоговение. Пока жили эти дети, в них жил физически умерший Муад'Диб.

То были не просто девятилетние дети; то была первородная сила, предмет поклонения и страха. То были дети Пауля Атрейдеса, ставшего Муад'Дибом, Махди Всех Фрименов. Муад'Диб взорвал ход истории; фримены начали межпланетный джихад, неся с собой неистовый пыл веры и утверждая во всех обществах свои власть и господство. Око новой власти было вездесущим, след, оставленный ею, стал поистине неизгладимым.

Но ведь дети Муад'Диб состоят из плоти и крови, подумал Стилгар. Двумя ударами кинжала я могу остановить биение их сердец, и вода их вернется к их племени.

При этой мысли его своенравный ум пришел в смятение.
Убить детей Муад'Диб!

Годы, однако, приучили Стилгара к интроспекции. Он знал, откуда идут эти страшные мысли – от левой руки проклятья, а не от правой руки благодати. Аят и бурхан Жизни – вот две величайшие тайны для Стилгара. Когда-то он исполнялся величайшей гордости, думая о том, что он – фримен, что Пустыня – его друг, что его планета – Дюна, а не Арракис, как ее именуют все имперские звездные карты.

Как все было просто, когда Мессия был лишь мечтой, думал между тем Стилгар. Обретя Махди, мы растворили

в мирах вселенной наши мессианские надежды. Все народы, познавшие ярмо джихада, мечтают теперь о своих вождах.

Стилгар взгляделся в темноту спальни.

Если мой кинжал освободит те народы, примут ли они меня как мессию?

Было слышно, как Лето беспокойно зашевелился в постели.

Стилгар тяжело вздохнул. Он не был знаком с дедом Атрейдесом, чьим именем нарекли этого ребенка, но многие говорили, что именно старому Атрейдесу был обязан Муад'Диб своей нравственной силой. Но не может ли случиться так, что это врожденное качество *правоты* покинет последнее поколение? Стилгар был не в состоянии ответить на этот вопрос.

Он думал: *сиетч Табр принадлежит мне. Я правлю здесь, я, наиб фрименов. Без меня не было бы никакого Муад'Диб. И эти двойняшки... их мать, Чани – моя кровная родственница, а значит, в жилах детей течет и моя кровь. Я причастен ко всему этому – я, Муад'Диб, Чани и все прочие... Но что сделали мы со своим миром?*

Стилгар так и не смог понять, почему его охватили эти мысли и по какой причине вызвали они такое сильное чувство вины. Он зябко поежился под просторным плащом. Действительность совсем не походила на мечту. От былой дружественной Пустыни, простиравшейся некогда от полюса до полюса, осталась едва ли половина. Казавшийся мифом,

но ставший действительностью зеленый рай вызвал у Стилгара мгновенную вспышку недовольства. Да, это не мечта и не сладкий сон. Планета изменилась, и он изменился вместе с ней. Он стал тоньше, чем прежний вождь сиетча. Теперь Стилгар познал многое: силу государственной власти и тяжелую ответственность принятия самых, казалось бы, незначительных решений. Но все же, но все же... Стилгар чувствовал, что эта душевная и психологическая тонкость есть не что иное, как хрупкий внешний покров, под которым скрывалась железная сердцевина прошлого простого и определенного опыта. И эта сердцевина взывала к его существу, требовала переоценки ценностей.

Течение мыслей Стилгара было нарушено утренними звуками пробуждавшегося сиетча. В пещерах слышалось движение. Щек Стилгара коснулось дуновение утреннего ветерка — люди начали выходить из-под сводов в предрассветную мглу. Ветерок шептал о беспечности и о непрестанном беге вечного времени. Обитатели пещер напрочь забыли о жесткой экономии воды. Да и зачем беречь воду, если во Фримене часто идет дождь, на небе постоянно видны облака, а в старых вадии то и дело гибнут люди, застигнутые потоками воды? Раньше в языке Дюны не было слова *утонуть*. Но теперь нет и самой Дюны, есть Арракис... и наступило утро нового, полного хлопот и дел дня.

Стилгар подумал: *Сегодня на нашу планету возвращается Джессика, мать Муад'Дибы и бабка царственных близне-*

цов. Но почему она решила закончить свое добровольное изгнание именно сейчас, сменив негу и надежность Каладана на опасности Арракиса?

Были и другие опасения: почувствует ли она сомнения Стилгара? Эта женщина – ясновидящая Бене Гессерит, воспитанница Общины Сестер, посвященная в самые глубокие таинства, полноправная Преподобная Мать. Такие женщины обладают невероятным чутьем, а потому опасны. Не прикажет ли она ему броситься на собственный нож, как приказала когда-то Умме, защитнику Лиет-Кинеса?

Подчинюсь ли я этому приказу? – подумал Стилгар.

На этот вопрос не было ответа, но Стилгар думал уже о Лиет-Кинесе, планетологе, которому первому пришла в голову мысль превратить Пустынную Дюну в цветущий оазис, в какой она в конце концов и превратилась. Лиет-Кинес был отцом Чани. Не будь его, не было бы ни мечты, ни Чани, ни близнецов. Эта хрупкая цепочка снова вызвала недовольство.

Каким образом мы встретились здесь? – спросил себя Стилгар. *Каким образом соединились? Для какой цели? Не мой ли долг положить этому конец и разрушить эту великую комбинацию?*

Стилгар ощутил великое и страшное искушение. Он в состоянии сделать этот выбор, отречься от любви и семьи ради того, что должен совершить наиб: принять смертельно опасное решение ради сохранения племени. Но какое же это бу-

дет предательство и мерзость! *Убить детей!* Однако это были не простые дети. Конечно, они ели земную простую пищу, участвовали в празднествах, бродили по Пустыне и играли в те же игры, что и все дети фрименов, но... но они же заседали в Имперском Совете. Дети в столь нежном возрасте были настолько мудры, что заседали в Совете. Да, это дети во плоти, но было в них что-то древнее, устрашающие простого смертного генетическая память и знания, внушенные их теткой Алией и унаследованные самостоятельно, – и это невидимой, но прочной стеной отделяло близнецов от прочих смертных.

Долгими бессонными ночами Стилгар пытался постичь природу этой избранности близнецов и их тетки; много раз пробуждался он среди ночи, мучимый этими мыслями, приходил в покои царственных детей и застывал на пороге решения. Но сегодня Стилгар осознал причину своих сомнений. Неспособность принять решение – это тоже решение. Эти близнецы и их тетка были разбужены от векового сна еще в утробе матери, когда на них снизошли знание и память предков, и причиной всему было пристрастие к зелью, пристрастие матерей – госпожи Джессики и Чани. Госпожа Джессика родила сына, Муад'Диба, до того, как вкусила зелья. Алия же явилась после этого. Теперь-то, по зрелом размышлении, это стало совершенно ясно. Бесчисленные поколения генетического отбора, направленного Бене Гессерит, сошлись на Муад'Дибе, но Общине Сестер даже в страшном

сне не могло привидеться кровосмешение. О, Сестры знали об этой возможности и боялись ее как огня, называя не иначе как *Мерзостью*. Этот факт вызывал ни с чем не сравнимое отвращение у Стилгара. Мерзость. О, у них были основания так рассуждать. И если бы Сестры объявили, что Алиа есть воплощение Мерзости, то же самое должны они были сказать и о Чани, вкушившей зелья. Тело Чани было напое-но зельем, и ее гены стали полезным дополнением к генам Муад'Диб.

Ум Стилгара пришел в смятение. Нет никаких сомнений в том, что близнецы не пойдут путем своего отца. Но куда пойдут они? Мальчик говорил, что способен стать своим отцом и доказал это. Будучи еще младенцем, Лето показал, что знает нечто, что могло быть известно только Муад'Дибу. Кто знает, может быть, в необъятных глубинах памяти ребенка ждали своей очереди и другие предки, знания и опыт которых составят величайшую опасность для всего рода человеческого?

Мерзость, говорят сестры-колдуньи Бене Гессерит. Но тем не менее все они домогаются генофонда вверенных ему детей. Сестры хотят не запятнанного плотским вожделением соединения спермы и яйца. Не потому ли так поспешно возвращается госпожа Джессика? Она порвала с Общиной Сестер, чтобы воссоединиться со своим супругом принцем, но молва утверждала иное – она возвращается, чтобы утвердить путь Бене Гессерит.

Я могу положить конец этой мечте, этому кошмарному сновидению, подумал Стилгар. Это же невероятно просто.

Он удивился тому, как вообще подобные мысли могут прийти ему в голову. Разве дети Муад'Диб виноваты в том, что действительность уничтожает чаяния других людей? Нет. Эти дети не что иное, как линза, фокусирующая свет, оттеняющий новые формы Вселенной.

По-прежнему охваченный смятением ум Стилгара обратился к прежним верованиям фрименов. *Грядет заповедь Божья; не ищи торопить ее. Бог покажет путь; и найдутся те, кто свернет с него.*

Больше всего ужасала Стилгара религия, которую возвестил Муад'Диб. Зачем они сделали из Муад'Диб бога? Зачем было обожествлять человека из плоти и крови? *Золотой Эликсир Жизни* Муад'Диб породил бюрократического монстра, чудовище, коему не было никакого дела до людских бед и забот. Власть и религия объединились, нарушение закона стало не только преступлением, но и грехом. Дух святотатства начинал куриться над каждым, кто подвергал сомнению правительственные эдикты. Любой мятеж вел к очищающему адскому огню и всеобщему праведному осуждению.

Но ведь те, кто издавал эдикты, были всего лишь людьми. Стилгар грустно покачал головой, на замечая слуг, вошедших в прихожую царских покоев для отправления своих утренних обязанностей.

Стилгар провел пальцами по ножнам висевшего на поясе

кривого ножа, символа утраченного прошлого, и подумал о том сочувствии, которое не раз охватывало его по отношению к мятежникам, чьи отчаянные попытки восстаний подавлялись его же собственными приказами. Стыд и смятение вновь окатили Стилгара горячей удушливой волной; как бы хотелось ему избавиться от них, вернувшись к простоте холодной разящей стали. Но Вселенная не движется назад. Жизнью движет великая сила, выдвинутая в серое Ничто несуществующего. Убить близнецов можно, но это вызовет лишь сотрясение Ничто, которое отдастся катастрофическим эхом в истории человечества, породив новый хаос и заставив людей искать новые формы порядка и беспорядка.

Стилгар вздохнул и прислушался. Да, новый день начался. Слуги – это олицетворение порядка, связанного с близнецами Муад’Диб. Слуги переходят от одного действия к другому, побуждаемые сиюминутной необходимостью. *Надо подражать им*, подумал Стилгар, *и пусть приходит то, что приходит*.

Я тоже слуга, сказал он себе, *слуга Бога, милостивого и всепрощающего Бога*. Он вспомнил слова: «*Определенно, Мы надели ошейники на их выи до самого подбородка, чтобы они поднимали головы; Мы поставили перед ними стену, и Мы поставили стену позади них; и Мы покрыли их, чтобы они не видели*».

То были слова старой религии фрименов.

Стилгар мысленно кивнул себе.

Видеть, уметь предвосхитить наступающий момент, как это умел Муад'Диб, пронзая своим сверхъестественным зрением время и помогая людским делам, превращая их в свершения. Так находилось новое поприще для принятия решений. Но если с тебя снимут ошейник, то не будет ли это бичом Божьим? То будет новая сложность, которую не разрешить простому смертному.

Стилгар снял руку с ножа, но в пальцах продолжало пульсировать живое воспоминание о нем. Но лезвие, поразившее некогда Змею Пустыни, осталось в ножнах. Теперь Стилгар знал, что не обнажит его, чтобы убить близнецов. Во всяком случае, не теперь. Он принял решение. Надо сохранить ту доблесть, которой он всегда гордился: верность. Лучше те сложности, о которых знаешь, чем недоступные пониманию. Лучше настоящее, чем сны о будущем. Горький вкус во рту сказал Стилгару, насколько пустыми и суетными могут быть сны.

Нет! Довольно снов!

ВОПРОС: «Видел ли ты Проповедника?»

ОТВЕТ: «Я видел песчаного червя».

ВОПРОС: «Что это за Змея?»

ОТВЕТ: «Она дает нам воздух, которым мы дышим».

ВОПРОС: «Тогда зачем истребляете вы ее землю?»

ОТВЕТ: «Потому что Шаи-Хулуд (обожествленный Змей) приказывает нам делать это».

(Харк аль-Ада, «Загадки Арракиса»)

По фрименскому обычаю юные Атрейдесы поднимались с постели за час до рассвета. Просыпаясь от едва слышной суety прислуги, дети, словно чувствуя друг друга сквозь разделявшую их стену, одновременно зевали и потягивались, слыша, как слуги готовят завтрак в передних покоях. Завтрак состоял из простой каши с финиками и орехами, приправленной специальной сывороткой. Под потолком передних покоев висели желтые круглые светильники, мягкий свет которых лился под сводчатые входы в спальни. При этом неярком свете дети торопливо одевались, прислушиваясь друг к другу. По взаимному согласию наследники Муад'Диба носили одежды, противостоявшие иссушающим ветрам Пустыни.

Но вот царственные близнецы вышли в передние покои;

прислуга сразу притихла, и это не укрылось от внимания Лето и Ганимы. Все сразу обратили внимание на то, что поверх серого костюма Лето надел с черным кантом пелерину. На сестре красовалась зеленая пелерина. У ворот пелерина была застегнута золотыми застёжками – ястребами Атрейдесов с глазами из красных рубинов.

Разглядев все это великолепие, Хара, одна из жен Стилгара, не смогла сдержаться:

– Вижу, вы приоделись в честь приезда бабушки.

Лето не спеша принял из рук служанки миску с кашей и только после этого взглянул в темное, иссеченное морщинами лицо Хары.

– Почему вы не думаете, что мы приоделись в свою честь? – спросил мальчик, покачив головой.

Хару не смутило язвительное замечание.

– У меня такие же голубые глаза, как и у вас, – произнесла она без всякой дрожи в голосе.

Ганима громко рассмеялась. Хара в своем репертуаре – женщина никогда не упускала случая проявить фрименскую задиристость. Вот и сейчас она имела в виду: «Вы, конечно, царевич, мой мальчик, но у нас с вами одинаковые глаза – у них нет белков, а это знак пристрастия к зелью. Какому фримену нужна большая честь?»

Лето улыбнулся, сокрушенно покачив головой:

– Хара, любовь моя, если бы ты была чуть-чуть помоложе и не была бы женой Стилгара, то я сделал бы тебя своей

женой.

Нисколько не удивившись легкости своей маленькой победы, Хара сделала знак остальным слугам продолжить приготовления к важным дневным делам.

– Ешьте свой завтрак, – строго сказала она. – Сегодня вам понадобятся силы.

– Так ты признаешь, что мы не слишком хороши для встречи бабушки? – с полным ртом каши спросила Ганима.

– Не бойтесь ее, Гани, – ответила Хара.

Лето проглотил кашу и испытующе взглянул на Хару. Эта женщина дьявольски, по-простонародному умна – она сразу поняла, что кроется за пикировкой об изяществе одежды.

– Поверит ли она в то, что мы боимся ее? – спросил мальчик.

– Похоже, что нет, – ответила Хара. – Когда-то она была нашей Преподобной Матерью, и уж я-то знаю, каковы ее повадки.

– Как оделась Алия? – спросила Ганима.

– Я еще не видела ее, – коротко отрезала Хара и отвернулась.

Лето и Ганима обменялись заговорщическими взглядами и вышли под центральный свод, заговорив на древнем наречии, известном им от рождения.

– Итак, сегодня приезжает бабушка, – сказала Ганима.

– И это сильно беспокоит Алию, – откликнулся Лето.

– Кто же станет радоваться, уступая такую власть?

В ответ Лето тихо рассмеялся. Это был смех зрелого мужчины, который до странности не вязался со столь юным телом.

– Да, но и это еще не все.

– Ты думаешь, что глаза ее матери увидят то, что видим мы?

– А почему бы и нет? – спросил Лето.

– Да... Наверное, именно этого и боится Алиа.

– Конечно, кто знает о Мерзости больше, чем ее воплощение?

– Но мы можем и ошибиться, – возразила Ганима.

– Мы не ошибаемся, – сказал Лето и процитировал отрывок из книги Бене Гессерит: «С полным разумением и основываясь на ужасном опыте видим мы то, что называем предсуществующей Мерзостью. Ибо кто знает, какая маска из нашего проклятого и злонравного прошлого может овладеть живой плотью?»

– Я знаю ту историю, – ответила Ганима. – Но если это правда, то почему мы не страдаем от внутреннего зла?

– Наверное, потому, что наш дух хранят наши родители, – отозвался Лето.

– Но почему у Алии нет такого хранителя и стража?

– Не знаю. Может быть, потому, что один из ее родителей все еще среди живых. А может быть, это потому, что мы еще молоды и сильны, но когда станем старше и циничнее...

– Нам надо быть очень осторожными с этой бабушкой, –

перебила брата Ганима.

– И не обсуждать с ней Проповедника, который бродит по планете, изрекая ересь?

– Ты не думаешь, что это и вправду наш отец?

– Я не могу об этом судить, знаю только, что тетя Алиа очень его боится.

Ганима энергично потрянула головой.

– Я не верю во всю эту чушь о Мерзости.

– У тебя точно такая же память, как и у меня, – возразил Лето. – Веришь в то, во что хочешь верить.

– Ты не думаешь, что все получилось так, потому что Алиа отважилась войти в транс от зелья, а мы нет? – спросила Ганима.

– Именно так я и думаю.

Они замолчали, влившись в поток людей, выходивших из центральных ворот. В сиетче Табре было прохладно, но костюмы хорошо согревали, и дети отбросили назад сберегающие тепло капюшоны, обнажив рыжеволосые головы. Лица их несли отпечатки одних и тех же генов – большие рты и широко расставленные глаза, в которых нельзя было отличить белки от синих радужек.

Лето первым заметил приближение их тетки Алии.

– Она идет, – предостерегающе произнес Лето, переходя на боевой язык Атрейдесов.

Алиа предстала перед детьми, и Ганима кивнула тетке.

– *Военная добыча* приветствует блистательную родствен-

ницу, – Ганима говорила теперь на языке чакобса, подчеркивая значение своего имени – «Военная добыча».

– Как видите, возлюбленная тетя, – вмешался в разговор Лето, – мы готовимся к встрече с вашей матушкой.

Алия была одной из немногих при многолюдном дворе, кто не выказывал ни малейшего удивления, слыша взрослые разумные речи царственных детей. Она по очереди посмотрела на них своими горящими глазами.

– Лучше бы вы оба придержали свои строптивые языки, – сказала она.

Бронзовые волосы Алии ниспадали с затылка двумя золотистыми полукружьями, изящный овал лица искажала хмурая мина, губы большого самодовольного рта были сжаты в тонкую нить. В углах глаз с синими белками затаились тревожные лучи морщин.

– Я уже предупреждала вас, как надо себя вести, – сказала Алия. – Вы знаете, почему это надо, не хуже, чем я.

– Мы знаем ваши причины, но, вероятно, вы можете не знать наших, – произнесла Ганима.

– Гани! – взорвалась Алия.

Лето горящим взглядом посмотрел на тетку.

– Сегодня не тот день, когда нам надо прикидываться глупо улыбающимися младенцами!

– Никто и не требует, чтобы вы глупо улыбались, – возразила Алия. – Но мы думаем, что с вашей стороны было бы не мудро провоцировать у бабушки опасные мысли. Со мной

соглашается Ирулан. Кто знает, какую роль возьмет на себя госпожа Джессика? В конце концов она – Бене Гессерит.

Лето удивленно покачал головой. *Неужели Алиа не понимает наших подозрений? Может быть, дело зашло слишком далеко?* Он незаметно взгляделся в лицо тетки, отмечая на ее лице генетическую стигму – знак крови ее деда по материнской линии. Барон Владимир Харконнен был не из приятных людей. Подумав, Лето ощутил внутреннее беспокойство – это был и его предок.

– Госпожа Джессика знает, как править, – сказал он вслух. Ганима согласно кивнула.

– Почему она решила приехать именно сейчас?

Алиа нахмурилась.

– Может быть, она просто хочет повидать своих внуков?

Ты очень на это надеешься, дорогая тетушка. Но, черт возьми, похоже, что дело не только и не столько в этом, подумала Ганима.

– Она не может править здесь, – проговорила Алиа. – С нее вполне достаточно Каладана.

– Когда наш отец отправился умирать в Пустыню, он оставил вас регентшей, – умиротворяюще заговорила Ганима. – Он...

– Вы можете на что-то пожаловаться? – перебила девочку Алиа.

– Это был мудрый выбор, – Лето поддержал линию сестры. – Вы были единственной, кто был рожден равной нам.

– Говорят, что моя мать вернулась в Общину Сестер, – сказала Алия, – а вы оба знаете, что думает Бене Гессерит О...

– Мерзости, – подсказал Лето.

– Да, – процедила сквозь зубы Алия.

– Как говорится, ведьма – всегда ведьма, – подлила масла в огонь Ганима.

Сестрица, ты играешь в опасные игры, подумал Лето, но не стал нарушать начатую игру.

– Наша бабушка, в отличие от других женщин подобного рода, очень простой человек, – сказал он. – Вы, тетя, имеете доступ в ее память и, несомненно, знаете, чего следует ожидать.

– Простота! – воскликнула Алия, тряхнула головой и, оглядев запруженную людьми галерею, снова посмотрела на близнецов. – Если бы моя мать не была сложной натурой, ни вас, ни меня не было бы сейчас здесь. Я должна была быть ее перворожденной дочерью, и ничего этого... – она судорожно повела плечами. – Еще раз предупреждаю вас, будьте сегодня особенно осторожны... Вот и моя охрана.

– Вы все еще считаете, Алия, что нам не стоит сопровождать вас в космопорт? – спросил Лето.

– Ждите меня здесь, – ответила женщина. – Я сама привезу ее.

Лето переглянулся с сестрой.

– Вы много раз говорили нам, что память, которую пере-

дали нам наши предки, бесполезна до тех пор, пока мы на своей плоти не почувствуем, что она означает. Только тогда память воплощается в реальность. Моя сестра и я верим в это. Мы предвидим, что с приездом бабушки дела могут принять опасный оборот.

– Продолжайте верить в это, – ответила мальчику Алия. Повернувшись, она под защитой охранника направилась к Государственному выходу, где ее ждал орнитоптер.

Ганима вытерла непрошеную слезу.

– Вода для мертвых? – шепнул Лето, беря сестру под руку.

Ганима тяжело вздохнула, думая, как она смотрела на свою тетку, все наперед зная из накопленной предками памяти.

– Это было от дурманного зелья? – спросила она, наперед зная ответ.

– Не можешь предположить ничего лучшего?

– Нет, просто для того, чтобы поспорить. Но почему ни наш отец... ни даже наша мать не поддались искушению?

Лето изучающе взглянул на сестру.

– Ты не хуже меня знаешь ответ. Их личности уже устоялись, когда они прибыли на Арракис, а дурман от зелья – ну... – Он пожал плечами. – Они родились в этом мире, не владея памятью предков. Однако Алия...

– Почему она не поверила в предостережения Бене Гессерит? – спросила Ганима, покусывая нижнюю губу. – У Алии та же информация, что и у нас, так почему она ее не обду-

мала?

– Ей уже приписали Мерзость, – ответил Лето. – Тебе не кажется, что это искушение – попытаться быть сильнее, чем все эти...

– Нет, не кажется, – содрогнувшись, ответила Ганима и отвернулась. Стоило только воззвать к генетической памяти, как предупреждения Бене Гессерит живо зазвучали в ее ушах. Предрожденные, становясь взрослыми, усваивали дурные обычаи, а возможная причина этого... Ганима снова содрогнулась.

– К сожалению, среди наших предков было немало предрожденных, – сказал Лето.

– Да, возможно, это так.

– Но мы... Ах да, все тот же старый вопрос, на который нет ответа: действительно ли мы имеем доступ ко всему файлу опыта любого из наших предков?

Чувствуя собственное внутреннее смятение, Лето понимал, как сильно тревожит этот разговор сестру. Они часто обсуждали этот вопрос, но так и не пришли ни к какому выводу.

– Мы должны как можно дольше оттягивать момент, когда она захочет подвергнуть нас трансу, – сказал Лето. – Надо соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не передозировать зелье.

– Для транса доза должна быть уж очень велика, – сказала Ганима.

– Наверно, у нас очень большая толерантность, – произнес Лето. – Посмотри, сколько требуется Алии.

– Как мне ее жаль, – заговорила Ганима. – Соблазн зелья коварный и тонкий, он постепенно обволакивает ее до тех пор, пока...

– Да, она жертва, – заговорил Лето, – Мерзости.

– Мы можем ошибиться.

– Верно.

– Я всегда думаю о том, что следующая память предка, к которой я получу доступ, будет той, которая...

– Прошное не дальше от тебя, чем подушка.

– Нам надо воспользоваться приездом бабушки и обсудить с ней этот вопрос.

– Ее память постоянно меня к этому побуждает, – признался Лето.

Ганима выдержала его прямой взгляд.

– Большое знание никогда не приводит к простым решениям, – сказала она.

*Чьим только не был сиетч Пустыни на краю —
Хозяином был Лиет, был Кинес,
И Стилгар был, и Муад'Диб,
И снова Стилгар.
Давно наибы спят в песке,
Но сиетч стоит вовеки.
(Из фрименской песни)*

Расставшись с близнецами, Алия почувствовала, как сильно колотится ее сердце. Несколько секунд она испытывала мучительное желание вернуться к детям и просить их о помощи. Что за идиотская слабость! Воспоминание о ней преисполнило женщину предостерегающим спокойствием. Неужели эти близнецы осмелились практиковать предзнание? Должно быть, путь, поглотивший их отца, оказался для детей слишком соблазнительным – транс дурмана с его обостренным видением будущего вьется перед глазами, как флаг на переменчивом ветру.

Почему я не могу прозреть будущее? – не переставала удивляться Алия. *Как я ни старалась, оно всегда ускользало от меня.*

Надо было заставить близнецов заглянуть в будущее, сказала она себе. Их бы увлекло такое предприятие – детское любопытство и возможность путешествия сквозь тысяче-

тия, — из этого можно было бы сотворить чудо.

Когда-то и у меня было такое любопытство, подумала Алия.

Охранники отодвинули водный створ Государственного входа в сиеч и отошли в сторону, давая дорогу Алии. Она вышла на посадочную площадку, где уже ждал орнитоптер. Ветер дул из Пустыни, небо заволокла пыль, но погода все же оставалась ясной. Выйдя на дневной свет после тусклых желтых светильников, Алия начала думать о другом.

Почему госпожа Джессика возвращается именно сейчас? Неужели до Каладана дошли слухи о ее Регентстве...

— Нам надо спешить, госпожа, — охранник изо всех сил старался перекрыть шум ветра.

Алия позволила охраннику помочь ей подняться в орнитоптер и машинально закрепила ремень безопасности, но мысли ее были далеко.

Почему именно сейчас?

Крылья орнитоптера задрожали, и машина взмыла в воздух. Алия почувствовала свою силу, которой подчиняется такая физическая мощь... Но как же хрупка и ненадежна эта сила, как она хрупка!

Почему теперь, когда *ее* планы уже так близки к завершению?

Пыль, висевшая в воздухе, рассеялась, и яркий солнечный свет озарил густую зелень там, где раньше была только выжженная зноем земля.

Я проиграю, если не научусь прозревать будущее. О, какое чудо могла бы я свершить, обладай я тем даром, каким владел Пауль! Я бы не стала мучиться от той горечи, которую несет с собой видение предзнания.

Мучительное желание потрясло Алию. Ну почему она не может отказаться от власти, стать такой, как все, – страдающей самой блаженной слепотой, живущей в гипнозе неполноценной жизни. Но нет! Она из рода Атрейдесов и не может, как другие, испытывать шок от самого факта рождения новой жизни. Она из рода властелинов, жертва проникающего в глубины веков знания, порожденного пристрастием матери к зелью.

Но почему мать возвращается именно сегодня?

Как ей не хватает Гурни Халлека – преданного слуги, безобразного лицом наемного убийцы, верного и прямодушно-го, музыканта. Который с равной легкостью мог убить человека и теми же руками извлекать божественные звуки из своего девятиструнного балисета. Поговаривали, что он был любовником матери, и это стоило раскопать – такими сведениями можно воспользоваться как удобным рычагом воздействия на нее.

Желание быть, как другие, исчезло без следа.

Надо уговорить Лето испытать транс дурманного зелья.

Она вспомнила, как спросила Лето, как мальчик относится к Гурни Халлеку. Лето, почувствовав подвох, ответил:

«Халлек верен «слепо»». А потом добавил: «Он обожал... моего отца».

Тогда Алиа уловила какое-то колебание в ответе мальчика. Вместо «моего отца» Лето едва не произнес «меня». Да, временами генетическую память трудно бывает оторвать от уз живой плоти. Гурни Халлек не сделал этот процесс легче.

Губы Алии тронула жестокая усмешка.

После смерти Пауля Гурни предпочел вернуться на Каладан вместе с госпожой Джессикой. Его возвращение многое запутает. Прибыв на Арракис, Гурни добавит собственные сложности к уже существующим. Халлек верно служил отцу Пауля – и здесь четко прослеживается последовательность от Лето Первого и Пауля к Лето Второму. Селекционная программа Бене Гессерит вывела другую, ответвляющуюся линию – от Джессики и Алии к Ганиме. Гурни может в этой ситуации оказаться бесценным помощником, запутав идентичности заинтересованных лиц.

Интересно, что он станет делать, если узнает, что в нас течет кровь Харконненов, тех самых Харконненов, которых он ненавидит всеми фибрами души?

Улыбка на губах Алии обратилась вовнутрь. В конце концов близнецы еще дети. Дети, у которых бесчисленное множество родителей, память которых принадлежит им, но не только и исключительно им. Несомненно, близнецы сейчас будут стоять у внешнего ограждения сиегча Табра и наблюдать след приземления корабля Джессики на берегу Арра-

кина. Неужели горящая отметина на небе сделает прибытие Джессики реальным для ее внуков?

Мать, конечно, поинтересуется, как идет их обучение, подумала Алия. Но стоит ли рассудком вмешиваться в учение пранабинду? Я скажу ей, что дети учатся самостоятельно, и процитирую слова внука: «Из всех ответственных, лежащих на властителе, самая тяжкая – это необходимость наказывать... но наказывать только тогда, когда жертва сама напрашивается на это».

В этот момент в голову Алие пришло, что если она сумеет отвлечь Джессику проблемами близнецов, то все остальные смогут избежать пристального внимания матери.

Это можно сделать без особого труда. Лето очень похож на Пауля. А собственно говоря, почему нет? Он мог стать Паулем в любой момент по своему усмотрению. Даже Ганима обладала этой поразительной способностью.

Ведь я точно так же могу стать матерью, и всеми другими, кто разделит с нами свои жизни.

Она отвлеклась от тяжелых мыслей и окинула взором протянувшийся внизу Защитный Вал. Каково ей было покинуть теплый, безопасный, изобилующий водой Каладан и вернуться на Арракис, в эту Пустыню, где был убит ее возлюбленный герцог, а сын погиб мученической смертью?

Зачем Госпожа Джессика возвращается именно сейчас?

Никакого определенного ответа на этот вопрос у Алии не было. Она могла проникнуть в «я» других людей, но как

только индивидуальные опыты расходились своими путями, то пропорционально множились и мотивы поступков. Суть решений была в тех поступках, которые совершали индивиды. Для предрожденных, причем много раз предрожденных Атрейдесов это было высшей реальностью, столь же осязаемой, как телесные предметы, это было каждый раз подлинное рождение во плоти; то было подлинное отчуждение бытия, подобно тому, как родившаяся плоть отчуждается от материнского лона, начав самостоятельно дышать и двигаться, взяв у матери многие знания.

Алия не находила ничего странного в том, что любит и ненавидит свою мать одновременно. То была необходимость, не оставлявшая места чувству вины и обвинениям. Где границы любви и ненависти? Надо ли винить Бене Гессерит за то, что они назначили Джессике вполне определенный путь? Вина и обвинение становятся расплывчатыми, когда пропитывают тысячелетия. Общине Сестер надо было породить Квисатц Хадераха – мужское соответствие Преподобной Матери... и даже больше того: Квисатц Хадерах должен был стать сверхчеловеком с необычайной восприимчивостью, умом и способностью быть одновременно во множестве мест. В этой селекционной игре госпожа Джессика была лишь разменной пешкой, у которой хватило безрассудства влюбиться в своего партнера, которому она была предназначена. По желанию своего возлюбленного герцога она родила сына, а не дочь, как то было предусмотрено Общиной Се-

стер.

Она предоставила мне родиться после того, как стала пристрастной к зелью! А теперь они не хотят меня. Они меня боятся, и у них есть на это очень веские основания...

Пауль был Квисатц Хадерахом, но он явился на одно поколение раньше, чем следовало, – в плановый расчет Сестер вкралась ошибка, и теперь перед Бене Гессерит возникла другая проблема: воплощение Мерзости, в которой присутствовали драгоценные гены, предназначенные для столь многих будущих поколений.

Краем глаза Алия заметила какую-то тень и подняла голову. Сопровождающая ее охрана приготовилась к посадке. Алия тряхнула головой, отгоняя ненужные и странные мысли. Что проку думать о прошедших жизнях и перебирать старые ошибки, увеличивая их груз? Сейчас новое время – время новых поколений.

Дункан Айдахо использовал всю свою мудрость и знания, оценивая приезд Джессики. Он применил свой подобный вычислительной машине ум – свой особый дар – для этой труднейшей цели и сказал, что Джессика возвращается, чтобы забрать близнецов в Общину Сестер. Еще бы, ведь близнецы тоже носители драгоценных генов. Вероятно, Дункан прав. Такая задача – вполне достаточный повод для того, чтобы Джессика вырвалась из своего добровольного затворничества на Каладане. Если Сестры приказали... Да и зачем еще может мать вернуться на планету, полную страшных и

болезненных воспоминаний?

– Посмотрим, – пробормотала Алия.

Она почувствовала, как орнитоптер коснулся крыши ее личного посадочного ангара. Сердце Алии было преисполнено самых мрачных предчувствий.

Меланжа (me'-lange, ta'lanj) – происхождение неясно (считается, что это слово – производное от террофранкского melange): а. Смесь приправ; б. Трава, произрастающая в Арракисе (Дюне) и обладающая гериатрическими свойствами, впервые описана Янищифом Ашикоко, королевским ботаником и химиком в царствование Шаккада Мудрого; в. Арракинская меланжа, произрастающая только в песках Арракиса, с ней связаны пророческие способности Пауля Муад'Диб (Атрейдеса), первого Махди фрименов; в последнем значении применяется космическими навигаторами и Бене Гессерит.
(Царский словарь, пятое издание)

Две крупные кошки неслышно и легко неслись по каменистой гряде в предрассветной мгле. Это еще не была охота – просто обход владений и осмотр территории. Кошки назывались лазанскими тиграми и были завезены на планету Салуса Секундус почти восемь тысяч лет назад. Генетические манипуляции стерли некоторые черты, присущие предковым земным формам, но зато снабдили кошек новыми. У зверей остались длинные клыки. Морды широкие, глаза широко расставленные, живые и умные. Большие лапы служили хорошей опорой на неровной каменистой почве, когти дли-

ной более десяти сантиметров спрятаны, а давление кожных складок постоянно затачивало их так, что концы когтей отличались остротой бритвы. Шерсть гладкая и слегка коричневатая – покровительственный окрас в песках Пустыни.

Эти кошки отличались от своих предков еще кое-чем: сервостимулятором, который имплантировался в их головной мозг, когда они еще были котятами. Эти стимуляторы делали животных послушными воле любого, кто имел соответствующий передатчик.

Было холодно, и из пастей остановившихся кошек валил густой пар. Вокруг расстилалась бесплодная увядшая равнина, на которой росли колючки, завезенные с Арракиса, – это порождало мечту о том, что скоро с монополией Арракиса на меланжу будет покончено. Там, где остановились кошки, ландшафт ограничивался несколькими песочного цвета скалами и разбросанными там и сям кустами – серебристо-зелеными в косых лучах восходящего солнца.

Звери внезапно насторожились. Повернув морды влево, они разом посмотрели на двух детей, игравших рука об руку в сухом русле ручья. Детям было по девять-десять стандартных лет; они были рыжеволосы и носили одинаковые серые костюмы и бурки, скрепленные на голове и вороте золотыми застежками Дома Атрейдес в виде ястребов. Звонкие голоса были хорошо слышны кошкам. Лазанские тигры хорошо знали правила игры, им уже приходилось в нее играть, однако сейчас они оставались неподвижными, ожидая команды

передатчика на начало охоты.

На каменистом гребне позади кошек появился какой-то человек. Некоторое время он молча наблюдал открывшуюся перед ним сцену: дети и тигры. На человеке была надета черно-серая форма сардаукара, на металлической пластинке было выгравировано имя: Левенбрех, адъютант башара. На груди висел сервопередатчик с удобно расположенными по обе его стороны ключами.

Кошки не повернули голов при появлении человека – они знали о его приближении по звуку и запаху. Левенбрех прокрался поближе к кошкам и отер лоб. Было холодно, но дело предстояло слишком жаркое, и на коже человека выступила испарина. Снова светлые бесстрастные глаза внимательно посмотрели на кошек и детей. Заправив влажную прядь светлых волос под шлем, человек тронул ларингофон.

– Кошки их видят.

Ответ прозвучал в динамиках, закрепленных за ушами человека:

– Мы их видим.

– Начинать? – спросил Левенбрех.

– Они сделают это без охотничьей команды? – поинтересовался голос.

– Они готовы, – ответил Левенбрех.

– Отлично. Сейчас мы посмотрим, хватит ли четырех тренировок.

– Скажите мне, когда будете готовы.

– В любой момент.

– Тогда начнем, – произнес Левенбрех.

Он коснулся пальцами красного ключа на правой стороне передатчика, предварительно сняв с него защитный колпачок; потом Левенбрех переместил руку на черный ключ, расположенный под красным, на случай если звери кинутся на него. Но кошки не обратили на мужчину ни малейшего внимания, все их внимание было отдано детям, к которым звери начали тихо подкрадываться по расщелине между гребнями. Лапы скользили по камням с ловким, поистине кошачьим изяществом.

Левенбрех опустил на корточки, наблюдая за развитием событий, зная, что за сценой следят в Укрытии принца с помощью Всевидящего Ока.

Кошки убыстрили шаг, затем кинулись к жертвам огромными прыжками. Дети, ни о чем не подозревая, взбирались на низкую скалу, в воздухе громким эхом отдавался их беззаботный смех. Один из них поскользнулся, второй оглянулся и увидел кошек. Протянув руку навстречу неожиданным забавным пришельцам, он громко воскликнул: «Смотри!»

Дети с интересом смотрели на приближающихся тигров. Так они и стояли, когда кошки одновременно поразили их, перекусив горла. Дети умерли мгновенно. Кошки принялись за еду.

– Отозвать их? – спросил Левенбрех.

– Пусть заканчивают. Они очень хорошо сработали. Я

знал, что они справятся, эта пара превосходна.

– Лучшая из всех, которых я когда-либо видел, – согласился Левенбрех.

– Вот и хорошо. Мы высылаем за тобой транспорт. Все, отключаемся, конец связи.

Левенбрех встал и потянулся, стараясь не смотреть в ту сторону, где поблескивал окуляр Всевидающего Ока. Это око транслировало то, что произошло, в ставку башара, расположенную на зеленой лужайке Капитолия. Левенбрех улыбался. За такую работу он получит повышение. Он уже видел отличия батора на своей шее или бурсега... Когда-нибудь он станет башаром. Люди, которые верно служат в корпусе Фарад'на, внука покойного Шаддама Четвертого, неплохо продвигаются по службе. Когда принц займет принадлежащий ему по праву трон, то перед ним, Левенбрехом, откроются блестящие перспективы – баронство или даже графство в мирах огромной галактической империи. Все это будет... когда исчезнут близнецы Атрейдесы.

Фримены должны вернуться к своей первоначальной вере, к своему гению в образовании человеческой общности; они должны вернуться к своим истокам, к своему прошлому, откуда были усвоены уроки выживания в борьбе с Арракисом. Единственным делом фрименов должно быть открытие души для внутреннего учения. Мир Империи, Совета Земель и Конфедерации ничего полезного не сообщит фрименам, но только лишит их души.

(Проповедь у Арракина)

Госпожа Джессика видела, что практически вся плоская серовато-коричневая посадочная площадка, на которую приземлился ее корабль, корпус которого потрескивал после немыслимых космических перегрузок, словно океаном, залита массой людей. Их, как показалось Джессике, было не меньше полумиллиона, и только треть из них составляли пилигримы. Люди были охвачены благоговейным молчанием, ожидая выхода Госпожи и ее сопровождения.

До полудня оставалось еще два часа, но пыль в воздухе над толпой ослепительно сверкала, обещая нестерпимый зной.

Джессика коснулась пальцами своих медно-рыжих, кое-где тронутых сединой волос, прикрытых накидкой – абой

– знаком Преподобной Матери. Джессика понимала, что выглядит не лучшим образом после столь долгого путешествия, к тому же черный цвет абы не слишком шел ей. Но когда Джессика жила здесь, она не расставалась с накидкой. Госпожа тихо вздохнула – должно быть, значение накидки фримены не забыли. Она еще раз вздохнула; путешествие не пошло ей на пользу, к тому же давил груз воспоминаний – о былом путешествии с Каладана на Арракис с ее герцогом, который против своего желания был вынужден принять этот лен.

Медленно, испытывая приобретенную в Бене Гессерит способность обнаруживать мельчайшие нюансы чужого настроения, Джессика обвела взглядом людское море. Тускло-серые капюшоны плащей фрименов из Пустыни; белые одежды пилигримов с отметинами бичей на плечах; группки богатых купцов с непокрытыми головами, щеголявших в легких одеждах, демонстрируя свое презрение к жаркому воздуху Арракиса. Была здесь и делегация Общества Веры – закутанные в зеленые одежды люди, сплотившиеся в единую группу, огражденную от других видимой святостью.

Как только Джессика оторвала взгляд от толпы, ей вспомнилась другая сцена – сцена их встречи, когда она с возлюбленным герцогом впервые прибыла на Арракис. Когда это было? *Да, прошло больше двадцати лет.* Она не любила вспоминать прошлое – оно напоминало о себе тяжелыми ударами сердца в груди. Время лежало в душе мертвым гру-

зом, и Джессике казалось, что тех лет, что она провела вне Арракиса, просто не было.

Опять в пасти дракона, подумала она.

Здесь, на этой равнине, ее сын отвоевал Империю у покойного Шаддама Четвертого. Судорога истории надолго запечатлелась в умах и верованиях людей.

Охрана и сопровождавшие Джессику лица беспокойно засуетились, и она снова вздохнула. Должно быть, они ожидают Алию, которая почему-то задерживается. Но вот появилась и она – охрана, словно клин, рассекала перед ней толпу встречающих.

Джессика еще раз окинула взглядом местность. На вышке космопорта появился балкон для молитвы. Далеко на левом краю поля стояла высокая башня, воздвигнутая Паулем. Он называл ее «сиетчем над песками». То было самое высокое строение из когда-либо возведенных человеческими руками. Внутри стен этого здания могли поместиться целые города, а Алия расположила здесь свою мощнейшую организацию – «Общество Веры», созданное на костях ее брата.

Должно быть, это подходящее место, подумалось Джессике.

Алия и ее свита достигли выхода с посадочной полосы и застыли в ожидании. Джессика тотчас узнала массивного, кряжистого Стилгара. А это кто? Боже избави, это же принцесса Ирулан, прячущая свою необузданную дикость в соблазнительном теле. Золотистые волосы развевались на

своенравном ветру. Ирулан не постарела ни на один день; ее присутствие здесь надо понимать как публичное оскорбление. Впереди всех стояла Алия, бесстыдно молодая, с глазами, устремленными к выходу с посадочной площадки. Джессика, плотно сжав губы, всмотрелась в лицо дочери. Тяжелое чувство пронзило все тело Джессики, в ушах зазвучало биевание ее собственной бурной жизни. Слухи оказались правдой! Какой ужас! Ужас! Алия сбилась с верного пути. На лице дочери ясно читалось: *Мерзость!*

Оправившись от потрясения, Джессика поняла, насколько сильно она надеялась, что слухи окажутся ложными.

*Но что с близнецами? – спросила она себя. Они тоже па-
ли?*

Медленно, как подобает матери бога, Джессика выступила вперед, оставив позади заранее проинструктированную свиту. Это были решительные минуты. Джессика стояла одна на виду у всей громадной толпы. За ее спиной нервно кашлянул Гурни Халлек – он возражал против безрассудного выхода. *«На тебе нет даже щита! О женщина, ты сошла с ума!»*

Однако самым ценным качеством Гурни было врожденное умение подчиняться. Он скажет, что думает, но подчинится. Вот и сейчас, возмущившись, он покорился.

Толпа издала едва слышный звук, похожий на шуршание ящерицы в песках, когда Джессика выступила вперед. Она воздела руки в благословении, принятом среди первосвя-

щенников Империи. С небольшой задержкой, но тем не менее практически одновременно гигантская толпа опустилась на колени. Даже официальная делегация.

Наметанным глазом Джессика отметила тех, кто меньше других спешил упасть на колени. Она знала, что не только ее глаза заметили это – сзади были верные люди, как и ее тайные агенты в толпе. Эти люди уже знали, где и кто задержался с изъявлением покорности.

Джессика все еще стояла с поднятыми руками, когда вперед выступили Гурни и его люди. Они быстро прошли мимо Джессики и встречающей элиты, которая смотрела на свиту Преподобной Матери выпученными от изумления глазами, и смешались с агентами, которых опознали по нарукавным знакам. Все вместе они быстро двинулись по узким проходам между павшими на колени людьми. Некоторые из тех, кто помедлил, почуяли опасность и попытались спастись бегством. С этими поступали просто – брошенный нож или удавка вершили скорый суд и расправу. Других просто поднимали с колен, связывали руки, сковывали ноги и уводили.

Не обращая внимания на происходящее, Джессика продолжала протягивать руки, благословляя покорную толпу и без труда читая мысли людей: *«Преподобная Мать возвращается, чтобы выполоть сорняки. Будь благословенна мать Господа!»*

Когда все было кончено – мертвые тела распростерлись на песке, а схваченные были уведены в камеры башни, – Джес-

сика опустила руки. Все происшедшее заняло не больше трех минут. Преподобная понимала, что вероятность того, что Гурни и его люди расправились с жожаками, очень мала и что среди схваченных вряд ли находились самые опасные смутьяны – такие люди обычно осторожны и предусмотрительны. Конечно, среди арестованных могут оказаться вместе с обманутыми и одураченными какие-нибудь интересные экземпляры.

Джессика опустила руки. Люди, облегченно вздохнув, поднялись с колен.

Джессика, словно ничего особенного не произошло, проследовала мимо встречающих, обошла дочь и призвала к себе Стилгара. Черная борода, торчавшая из-под капюшона, была помечена седыми пятнами, но глаза были такими же внимательными, живыми и беспощадными, как во времена их первой встречи в Пустыне. Стилгар понимал значение того, что произошло, и одобрял действия женщины. Он был настоящим наиб, вождь, способный к принятию кровавых решений. Первые же его слова подтвердили это.

– Приветствую вас, госпожа. Всегда приятно видеть решительные и эффективные действия.

По лицу Джессики мелькнуло некое подобие улыбки.

– Закройте порт, Стил. Никто не должен уйти, пока мы не допросим задержанных.

– Мы с Гурни уже все сделали, госпожа, – ответил Стилгар. – Его люди все понимают с полуслова.

– Значит, нам помогали ваши люди.

– Да, некоторые из них.

В его ответе Джессика уловила недомолвку и кивнула:

– Вы хорошо изучили меня в старые годы, Стил.

– Когда-то вам было очень больно говорить со мной, госпожа, но теперь уцелевшие расскажут все.

Вперед выступила Алия, и Стилгар отошел в сторону. Мать осталась стоять лицом к лицу с дочерью.

Зная, что нет никакого смысла прятать то, что ей известно, Джессика даже не пыталась сдерживаться. Алия могла читать малейшие нюансы чужих мыслей, как всякий адепт Общины Сестер. По одному поведению Джессики дочь давно уже должна была понять, что увидела и почувствовала мать. Они были враги, для которых определение *смертельные* затрагивало лишь поверхность.

В качестве самой простой и подходящей к случаю реакции Алия выбрала гнев.

– Как вы осмелились спланировать такую акцию, не посоветовавшись предварительно со мной? – процедила сквозь зубы Алия, приблизив свое лицо к лицу Джессики.

Джессика ответила со всей возможной мягкостью:

– Как ты только что слышала, Гурни не стал посвящать меня в весь план. Мы предполагали...

– А ты, Стилгар! – недослушав мать, Алия повернулась к наибу. – Кому *ты* верен?

– Я принес присягу детям Муад’Доба, – твердо ответил

Стилгар. – Мы старались отвести от них опасность.

– Почему же ты не испытываешь по этому поводу радости... дочь моя?

Алия моргнула, быстро взглянула на мать, подавила поднававшую в душе бурю и даже смогла обнажить в улыбке белоснежные зубы.

– Я испытываю радость, матушка, – сказала она и, к своему неописуемому удивлению, вдруг почувствовала, что действительно радуется. Да что там – она просто счастлива, что все наконец открылось и между ней и матерью нет больше страшных тайн. Момент страха прошел, и Алия поняла, что равновесие сил не изменилось.

– Мы обсудим все подробности в более удобное время, – сказала Алия, обращаясь одновременно к матери и Стилгару.

– Конечно, конечно, – подтвердила Джессика, движением руки давая понять, что вопрос исчерпан, и повернулась к принцессе Ирулан.

Несколько мгновений Джессика и принцесса внимательно смотрели друг на друга – две воспитанницы Бене Гессерит, порвавшие с Общиной Сестер по одной и той же причине – из-за любви, любви к мужчинам, которые были теперь мертвы. Эта принцесса безнадежно любила Пауля, стала его женой, но не сумела стать подругой, а теперь живет только ради детей, которых родила Паулю его фрименская наложница Чани.

Первой заговорила Джессика:

– Где мои внуки?

– В сиегче Табр.

– Я понимаю, здесь слишком опасно.

Ирулан позволила себе едва заметный кивок. Она видела перепалку между Джессикой и Алией, но истолковала ее так, как ей накануне говорила регентша: *«Джессика вернулась в лоно Общины Сестер, а мы обе знаем, что у Сестер есть планы касательно детей Пауля»*. Ирулан никогда не была истинным адептом Бене Гессерит – ее больше ценили только за то, что она – дочь Шаддама Четвертого, слишком гордая, чтобы выставлять напоказ свои способности. Вот и теперь она выбрала поведение, которое никак не подчеркивало ее подготовку.

– В самом деле, Джессика, – сказала Ирулан, – надо было все же проконсультироваться предварительно с Императорским Советом.

– Мне следует думать, что вы не доверяете Стилгару? – спросила Джессика.

Ирулан хватило мудрости понять, что этот вопрос не требует ответа. Она была страшно рада, что священники, не сумев сдержать верноподданнического нетерпения, ринулись к госпоже. Ирулан переглянулась с Алией, подумав: *Джессика, как всегда, спесива и уверена в себе!* Аксиома Бене Гессерит на эту тему гласила: *«Высокомерие годится только на то, чтобы возвести крепостную стену, за которой прячут-*

ся сомнения и страх». Истинно ли это в отношении Джессики? Конечно, нет. Значит, это просто поза. Но с какой целью она это делает? Вопрос очень беспокоил Ирулан.

Священники с шумом завладели матерью Муад'Диб. Некоторые хватали ее за руки, другие низко кланялись, почтительно произнося слова приветствия. Наконец, главные священники – по принципу «первые да станут последними» – с заученными улыбками стали говорить Пресвятой Преподобной Матери, что официальная церемония Просветления состоится в Убежище – старой цитадели, построенной Паулем.

Джессика посмотрела на двоих священников и нашла их отталкивающими. Одного звали Джавид – это был молодой человек с угрюмым лицом и круглыми, детскими щеками, в затененных, глубоко посаженных глазах таилась подозрительность. Второго звали Зебаталеф, то был второй сын наиба, которого когда-то знавала Джессика, о чем он не преминул ей сообщить. Этого было просто вычислить: веселье в соединении с беспощадностью, худое аскетическое лицо, заросшее светлой бородой, глаза выдают тайное волнение и большие знания. Джавид был гораздо опаснее – муж Совета, обладавший магнетической силой, но одновременно – Джессика не могла подобрать более подходящего слова – *отталкивающий*. У него был странный акцент, Джавид говорил с сильным фрименским выговором, словно священник был выходцем из какого-то немислимого захолустья.

– Скажи мне, Джавид, – спросила Джессика, – откуда ты?

– Я простой фримен, сын Пустыни, – ответил священник; каждое слово выдавало лживость этого утверждения.

Зебаталеф вмешался в разговор с напористой и почти шутовской вежливостью:

– Нам есть что вспомнить, госпожа. Я был одним из первых, вы знаете, кто познал святость и высокое предназначение миссии вашего сына.

– Но вы, насколько я помню, не были его федайкином, – ответила Джессика.

– Нет, госпожа. Я занимался более философским делом – изучал богословие, чтобы стать священником.

И тем спасал свою шкуру, подумала его собеседница.

– Нас ждут в Убежище, – напомнил Джавид.

Заданный все с тем же странным акцентом вопрос требовал ответа.

– Кто нас ждет?

– Совет Веры – все те, кто хранит светлое имя и деяния вашего святого сына, – сказал Джавид.

Джессика оглянулась через плечо, увидела, как Алиа улыбается Джавиду, и спросила:

– Этот человек – один из твоих поверенных, дочь моя?

Алиа кивнула:

– Он рожден для великих деяний.

Но Джессика заметила, что Джавид не слишком доволен вниманием к своей персоне, и решила приказать Гур-

ни взять этого священника на заметку. Гурни оказался легким на помине. Он подошел к Джессике и доложил, что задержанные готовы к дознанию. Халлек передвигался развальной походкой сильного человека, быстро оглядывая все вокруг, под одеждой при каждом движении перекачивались могучие мышцы, хотя с виду Гурни казался совершенно ослабленным – этому искусству научила его Джессика по способу прана-бинду, изобретенному Бене Гессерит. Казалось, Гурни состоит из одних отвратительных рефлексов, это был убийца, страшный человек, но Джессика любила его и ставила выше всех остальных смертных. Лицо Гурни пересекал обезображивающий багрово-синий шрам, но лицо телохранителя смягчилось улыбкой, когда он увидел Стилгара.

– Отлично сработано, Стил, – сказал он. Мужчины в знак приветствия взялись за руки по старинному фрименскому обычаю.

– Просветление, – напомнил Джавид, тронув Джессику за руку.

Джессика подалась назад и, тщательно подбирая слова и модуляции хорошо поставленного голоса, произнесла специально для большего эмоционального воздействия на Джавида и Зебаталефа:

– Я вернулась на Дюну, чтобы повидать внуков, так стоит ли переводить время на всякий религиозный вздор?

Реакция Зебаталефа была вполне предсказуемой – от растерянности он открыл рот, в глазах появился испуг, – свя-

щенник был потрясен, он переводил глаза с одного слушателя на другого, задавая каждому немой вопрос: *Религиозный вздор! Какой же эффект произведут эти слова, произнесенные матерью мессии?*

Джавид полностью оправдал опасения Джессики. Рот его сначала плотно сжался, но потом священник с трудом растянул губы в принужденной улыбке. Однако глаза оставались холодными, и он не стал обводить глазами невольных слушателей и свидетелей происшедшего. Джавид прекрасно знал всех участников и их роли. Знал он и тех, за кем надо было с этой минуты неусыпно наблюдать. Только спустя секунду Джавид вдруг перестал улыбаться, поняв, что улыбкой выдал себя с головой. Домашние уроки Джавида не пропали даром, он знал о способностях Джессики проникать в чужие мысли. Короткий судорожный кивок послужил косвенным признанием этой способности Преподобной Матери.

Джессика мгновенно взвесила все «за» и «против». Стоит подать Гурни едва заметный знак рукой – и Джавида можно считать покойником. Для вящего страха это можно проделать прямо здесь или оттянуть смерть на более поздний срок, обставив все как несчастный случай.

Она задумалась: *Когда мы пытаемся скрыть наши сокровенные побуждения, каждая черточка наша выдает нас.* Учение Бене Гессерит готовило своих адептов к тому, чтобы они умели читать книгу плоти. Ум Джавида весил немало, если заполучить его на свою сторону, то можно будет про-

никнуть в среду священников Арракиса. К тому же это человек Алии.

Джессика заговорила:

– Моя свита должна быть немногочисленной, но одно вакантное место в ней есть. Джавид, вы присоединитесь к нам. Зебаталеф, прошу меня простить, но... Да, Джавид... я пошщу эту... церемонию, если уж вы так настаиваете.

Джавид позволил себе глубокий вздох и, понизив голос, произнес:

– Да будет воля матери Муад’Дибя. – Он посмотрел на Алию, на Зебаталефа, потом снова на Джессику. – Мне доставляет боль необходимость оттягивать вашу встречу с внуками, но, увы, государственные соображения...

Хорошо. Он, кроме всего прочего, еще и деловой человек. Если подобрать нужную сумму, то мы наверняка сможем его купить, подумала Джессика. Она чувствовала радость от того, что он настоял на ее участии в церемонии. Эта маленькая победа добавит ему авторитет в глазах его сотоварищей, и они оба это прекрасно понимали. Пусть Просветление станет платой за будущую службу.

– Надеюсь, вы позаботились о транспорте, – сказала Джессика.

Я даю тебе хамелеона Пустыни; его способность сливаться с песком скажет тебе все, что надлежит знать о корнях экологии и основаниях сохранения личности.

(Книга рассеяния племен из «Хроники Хаита»)

Лето играл на балисете, подаренном ему выдающимся исполнителем на этом инструменте – Гурни Халлеком на день рождения. Гурни прислал балисет, когда Лето исполнилось пять лет. За четыре года практики мальчик добился определенных успехов, однако ему по-прежнему не давались две боковые струны. Балисет успокаивал, хотя навевал грусть, и это не ускользнуло от внимания Ганимы. Лето, освещенный косыми лучами заходящего солнца, сидел на выступе скалы, отрог которой защищал сietet Табр от беспощадного ветра Пустыни. Мальчик молчал, задумчиво и нежно перебирая струны.

Ганима стояла за спиной брата, вся ее маленькая фигурка выражала протест. Она очень не хотела выходить на улицу, после того как Стилгар сообщил, что бабушка задерживается в Арракине. Ганиме особенно не хотелось выходить потому, что приближалась ночь. Девочка решила поторопить брата.

– Ну что? – спросила она.

Вместо ответа брат принялся наигрывать другую мелодию.

Сегодня впервые Лето вдруг осознал, что инструмент был сработан на Каладане выдающимся мастером. Врожденная память наполняла Лето ностальгией по прекрасной планете, где правили потомки Атрейдесов. Надо было лишь с помощью музыки разрушить внутренний барьер, расслабиться... и в душе мальчика начала звучать живая память тех времен, когда Гурни с помощью этого самого балисета отвлекал от тяжких дум своего друга и подопечного – Пауля. Когда балисет звучал в его руках, Лето все больше и больше проникался ощущением физического присутствия отца. С каждой секундой мальчик все больше и больше сливался со звучащим инструментом, все существо Лето возвысилось до полного *владения* балисетом, хотя мускулы девятилетнего мальчика не могли следовать за этим внутренним *знанием*.

Сама того не замечая, Ганима начала нетерпеливо при-топывать ногой в такт музыке.

Лето напряженно сжал губы и попытался играть древнюю песню, настолько древнюю, что Гурни не мог о ней знать. Эта песнь родилась, когда фримены осваивали свою пятую планету. Слова говорили о Зестунни, они исходили из глубин генетической памяти, в то время как пальцы Лето неуверенно нащупывали мелодию.

Прекрасная форма природы

Чудесной обладает сутью,
Которую иные зовут упадком.
Через его великолепные врата
Входит в мир новая жизнь.
В молчании льются тайные слезы.
Они не что иное, как влага души:
Это они несут новую жизнь
К боли бытия —
И отделяясь от видения,
Которое лишь смерть делает цельным.

Лето через плечо оглянулся на Ганиму. Его нисколько не удивило, что сестра знает песню и проникнута ее лирикой, но брат внезапно почувствовал трепет и благоговение перед тем, насколько сплетены их с сестрой жизни. Один из них мог умереть, но остаться живым в сознании другого; настолько они были близки. Мальчик был настолько напуган величиим этой сети, соединявшей его с Ганимой, что поспешно отвел глаза. В этой сети, однако, были разрывы, и Лето знал это. Страх его еще более возрос от того, что именно в эту минуту возник еще один такой разрыв. Брат почувствовал, что их жизни начинают отчуждаться друг от друга. *Как могу я сказать ей о том, что происходит только и исключительно со мной?*

Он всмотрелся в Пустынный ландшафт, глядя на барханы — высокие, похожие на полумесяц, подвижные дюны, которые, подобно волнам, перекачивались по Арракису. То был

Кедем, Внутренняя Пустыня, в барханах которой в нынешнее время редко можно было встретить гигантских червей. Заходящее солнце окрасило дюны в кровавый цвет, плававший на краях черных теней. С багрового неба, завладев вниманием Лето, стремительно упал ястреб, схватив со скалы куропатку.

Прямо внизу на плоской земле Пустыни в изобилии росли зеленые деревья, для полива которых частью по каналам, частью по огромным трубам текла вода с вершины скалы, на которой реяло зеленое знамя Атрейдесов.

Вода и зелень.

То был новый символ Арракиса: вода и зелень.

Похожий по форме на граненый бриллиант оазис, расстилавшийся под выступом скалы, напомнил Лето о далеких временах фрименов. С утеса внизу раздался звонкий крик ночной птицы, что еще больше усилило это чувство. Лето понял, что душа его переживает сейчас древнее дикое прошлое.

Nous avons change tout cela, подумал он, легко перейдя на древний земной язык, которым они с Ганимой иногда пользовались для задушевных бесед. «Мы все это изменили». Он глубоко вздохнул. *Oublier je ne puis*. «Я не умею забывать».

За оазисом была видна земля, которую фримены называли Пустошью; на этой земле ничто не росло, она никогда не плодоносила. Вода и экологический план озеленения разительно изменили облик Пустоши. Теперь на Арракисе бы-

ли мягкие холмы, покрытые шелковистой зеленью лесов. Леса на Арракисе! Новое поколение с трудом могло представить себе древние дюны, которые скрывались под ними. Для юных глаз не было ничего потрясающего в плоских листьях деревьев. Однако в Лето сейчас говорил древний фримен, обеспокоенный изменениями.

– Дети недавно рассказывали мне, что теперь даже у поверхности трудно отыскать песчаную форель, – сказал он.

– И что это должно означать? – спросила Ганима; в голосе ее прозвучало раздражение.

– Все меняется слишком быстро, – ответил Лето.

На утесе вновь прокричала птица, ночь упала на Пустыню внезапно, словно ястреб на куропатку. Ночью у мальчика обострялась генетическая память – все дремавшие в нем прошлые жизни давали о себе знать, но у Ганимы не было таких просветлений, хотя она разделяла обеспокоенность брата и старалась ему сочувствовать. Лето почувствовал, как сестра нежно коснулась рукой его плеча.

Балисет издал гневный аккорд.

Как сказать Ганиме о том, что с ним происходит?

В его голове бушевали войны, воспоминания о давно превратившихся жизнях, происходили страшные катастрофы, любовные томления, мелькали цвета различных мест и разные лица... погребенное в глубинах души горе и утраченные радости. Он слышал весенние элегии на планетах, которые давно перестали существовать, видел буйство зелени и пляску

света, стоны и крики, мольбы о помощи, глухой ропот толп людей, живших в незапамятные времена.

Наступало самое тяжелое время – начало ночи под открытым небом.

– Может быть, вернемся домой? – спросила Ганима.

Он отрицательно покачал головой, и сестра поняла, что брата охватили чувства, глубину которых она не могла постичь.

Почему я так приветствую наступление ночи? – спрашивал себя Лето. Он не почувствовал, как Ганима сняла руку с его плеча.

– Ты прекрасно знаешь, что заставляет тебя так переживать, – сказала она.

В ее голосе послышался ласковый упрек. Конечно, он знал. Ответ был очевиден и объяснялся знанием: *Это великое известное-неизвестное колышет меня, словно волну.* Гребни волн прошлого несли его словно на доске по поверхности волнующегося моря. Лето обладал памятью отца, предзнания, наложенного на все остальные проявления жизни, но Лето хотел большего – он хотел знать все прошлое без изъятия. Он жаждал этого всей душой. Эти воспоминания о прошлом таили в себе великую опасность. Теперь Лето полностью отдавал себе в этом отчет и должен был разделить новое знание с сестрой.

Пустыня озарилась неверным светом взошедшей Первой Луны. Лето внимательно смотрел на застывшие волны песка,

уходившие в бесконечность. Слева, почти на расстоянии вытянутой руки лежала скала Спутник, которой песчаные бури придали форму гигантской змеи, уползавшей в песок Пустыни. Пройдет время, и ветры сровняют с землей сиег Табр, и только кто-то, похожий на Лето, сохранит о нем память. Мальчик почему-то не сомневался, что тот человек будет похож на него.

– Почему ты так пристально рассматриваешь Спутник? – спросила Ганима.

В ответ Лето только пожал плечами. Вопреки запретам слуг и охранников дети часто ходили на Спутник. Они нашли там потайное убежище, и теперь Лето понял, почему оно так манило их к себе.

Внизу поблескивали воды канала, по поверхности которых изредка пробегала рябь – то плескалась рыба, которую фримены разводили в искусственных водоемах, чтобы извлечь песчаную форель.

– Я стою между рыбой и червем, – пробормотал Лето.

– Что?

Он повторил свою фразу громче.

Ганима прикрыла рот рукой, начиная прозревать, что именно движет ее братом. Именно так вел себя их отец; просто ей надо было внимательнее смотреть в себя и сравнивать.

Лето вздрогнул. Память, которая повела его по местам, где никогда не бывала его плоть, ответила на вопросы, которые он не задавал. На гигантском экране, развернушем-

ся перед его мысленным взором, Лето видел картины событий и давно ушедших в небытие отношений. Песчаный червь Дюны не сможет пересечь водный поток; вода – яд для него. Однако вода была известна здесь еще с доисторических времен. Белые гипсовые кратеры говорили о давно исчезнувших озерах. Источники пробивали себе дорогу с глубины, но их забивала песчаная форель. Лето ясно видел, как именно все это происходило, предвидя, что случится из-за вмешательства человека в экологию планеты.

– Я знаю, что случилось, Ганима, – едва слышно произнес Лето.

Она низко склонилась к его лицу.

– Что, что?

– Песчаная форель...

Он замолчал, и Ганима удивилась его упоминанию о гаплоидной фазе развития песчаного червя, но не стала торопить брата.

– Песчаная форель, – повторил он, – была занесена сюда из каких-то других мест. Раньше эта планета изобиловала водой. Форель размножилась до таких пределов, что экосистема Дюны не смогла с ней справиться. Песчаная форель забила собой источники воды и превратила планету в Пустыню... Они сделали это, чтобы выжить. Только в сухом месте форель может превратиться в песчаного червя.

– Песчаная форель?

Ганима покачала головой. Она не сомневалась в словах

брата, но ей очень не хотелось спускаться в те глубины сознания, где Лето почерпнул эту информацию. *Песчаная форель?* – подумала она. Ганима вспомнила, как в своей нынешней плоти и в других она, будучи ребенком, играла с песчаной форелью, заманивая ее в ловушки, а потом убивая водой. Было очень трудно представить себе, что такие мелкие твари могли быть причиной столь грандиозных планетарных событий.

Лето кивнул своим мыслям. Фримены всегда разводили хищных рыб в водоемах. Песчаные форели всегда препятствовали накоплению воды у поверхности почвы планеты; поэтому рыбы и плавали в канале, который протекал под ногами. Тела песчаных червей могли выдерживать небольшие количества воды, она, как и в клетках человеческой плоти, составляла небольшую часть их тел, но если воды становилось много, то в обмене веществ песчаных червей происходили взрывоподобные изменения и в их организмах начинала накапливаться меланжа, которую фримены в мельчайших дозах использовали для своих оргий. Меланжа вызывала у людей вспышки сверхъестественного прозрения. Чистый концентрат меланжи перенес Пауля Муад’Диба сквозь стены Времени, но не было в мире человека, который осмелился бы повторить его опыт.

Ганима физически ощутила дрожь, которая охватила брата.

– О чем ты думал? – спросила она.

Но Лето не мог остановиться – поток откровений продолжал литься.

– Чем меньше становится песчаной форели, тем экологическая трансформация планеты...

– Конечно, они сопротивляются, – заговорила сестра; Ганима начала понимать страх Лето, против воли проникаясь его возбуждением.

– Исчезнут песчаные форели, исчезнут и черви, – сказал он. – Надо предупредить племена.

– Не будет больше зелья, – предположила Ганима.

Все эти простые слова означали высочайшую степень общей опасности, которую брат и сестра видели во вмешательстве человека в древний миропорядок Дюны.

– Алия прекрасно это знает, – сказал Лето, – поэтому и злорадствует.

– Ты уверен в этом?

– Абсолютно.

Теперь сестра точно знала, что так беспокоит брата; от этого знания по спине ее пробежал холодок.

– Племена не поверят нам, если Алия станет все отрицать, – произнес Лето.

Это утверждение касалось главной проблемы бытия близнецов: какой фримен поверит в мудрость девятилетних детей? Алия же, все больше и больше проникая в тайну чужих душ, будет играть на этом.

– Нам надо убедить Стилгара, – сказала Ганима.

Не сговариваясь, брат и сестра повернули головы и вгляделись в залитую лунным светом Пустыню. Теперь они смотрели на нее совершенно другими глазами, осененные внезапно снизошедшим знанием. Никогда раньше тонкое взаимодействие природы и пытающегося изменить ее человека не было для них столь очевидным. Лето и Ганима почувствовали себя интегральной частью динамической, поразительно точно уравновешенной системы. Новый взгляд произвел переворот в их сознании. Как говорил Лиет-Кинес, Вселенная – это место, где популяции животных ведут между собой постоянный, ни на миг не прерывающийся диалог. Гаплоидные форели говорили сейчас с близнецами, словно люди.

– Племена поймут угрозу воде, – сказал Лето.

– Но это касается не только воды. Это... – Ганима замолчала, поняв глубинный смысл слов брата. Вода была абсолютным символом мощи Арракиса. В своих корнях фримены оставались специализированным, если можно так выразиться, видом, выжившим в условиях жестокой Пустыни, ведущими специалистами жизни в условиях постоянного стресса. Как только на планете стало много воды, произошел странный перенос символа, хотя люди продолжали понимать и чувствовать свой древний долг.

– Ты имеешь в виду угрозу мощи, – поправила она Лето.

– Конечно.

– Но поверят ли они нам?

– Если они увидят, что происходит, если почувствуют на-

рушение равновесия...

– Равновесие, – произнесла Ганима и тут же повторила мысль, которую неоднократно высказывал их отец: – Равновесие – это то, что отличает людей от черни.

Ее слова пробудили в нем память об отце.

– Экономика против красоты – это старо, как Шеба, – Лето вздохнул и, подняв голову, посмотрел на Ганиму. – Я начал видеть сны предзнания, Гани.

Она судорожно втянула в себя воздух.

Лето между тем продолжал говорить:

– Когда Стилгар сказал, что бабушка задержится, то я уже знал это наперед. Но теперь я могу сказать, что и другие сны подозрительны мне.

– Лето, – тихо сказала Ганима, покачав головой и опустив глаза. – К нашему отцу это пришло позже. Не думаешь ли ты, что...

– Мне снилось, что я заперт в тесном шкафу, потом был сон о том, как я бегу по дюнам, – заговорил он. – Потом я был в Якуруту.

– Яку... – Ганима запнулась и откашлялась. – Это старый миф!

– Это место существует, Гани! Я должен найти человека, которого называют Проповедником, и о многом его спросить.

– Ты думаешь, что это... наш отец?

– Спроси об этом у самой себя.

– Это очень похоже на него, – согласилась Ганима, – но...

– Мне не нравится многое из того, что мне предстоит сделать, но сегодня я впервые по-настоящему понял отца.

Девочка поняла, что сейчас ей нет места в его мыслях.

– Может быть, Проповедник – просто старый мистик.

– Я молю Бога, чтобы так оно и оказалось, – прошептал Лето. – О, как я надеюсь на это!

Он подался вперед и встал. Балисет загудел от этого движения.

– Пусть он окажется всего лишь Гавриилом без рога. – Лето молча вперил взор в освещенный призрачным лунным светом Пустынный ландшафт.

Ганима посмотрела в ту же сторону. На краю рощи у ворот сиетча светились гнилушки, окаймляя чистый силуэт дюн. В Пустыне кипела жизнь, которая никогда не затухала, даже тогда, когда Пустыня казалась спящей. Ганима чувствовала, что ее слушают какие-то неведомые твари. Откровения Лето преобразили ночь в глазах Ганимы. Это был момент прозрения, момент отыскания устоявшегося порядка в непрерывных изменениях, мгновение, в которое каждый человек чувствует свое земное прошлое – прошлое, которое неистребимо в памяти рода людского.

– Но почему Якуруту? – спросила она, и обыденность ее тона поколебала волшебное настроение.

– Почему?.. Не знаю. Когда Стилгар рассказал мне, как они убивали людей, а потом объявили то место запретным,

наложив на него табу, я думал так же, как ты. Но теперь оттуда исходит опасность... но там живет и Проповедник.

Ганима не откликнулась, не стала просить, чтобы Лето рассказал ей что-то еще, понимая, как много это сказало брату об охватившем ее ужасе. Этот путь ведет к Мерзости, и оба – брат и сестра – понимали меру опасности. Страшное слово повисло между ними, когда Лето встал и они направились к входу в сиегч. *Мерзость.*

*Вселенная принадлежит одному Богу. Они – одно; их целостность – мерило всех отчуждений и разделений. Преходящая жизнь, даже исполненная самосознания и разума, та жизнь, которую называют научной, есть не что иное, как только хрупкая вера в отдельную частицу целого.
(Комментарии КЭП, Комиссии Экуменических Преобразований)*

Халлек пользовался едва заметными движениями рук для передачи важных сообщений, вслух говоря при этом о совершенно посторонних вещах. Ему сразу не понравилось маленькое помещение, которое священники выбрали для проведения церемонии. Гурни понимал, что комната напичкана шпионской аппаратурой. Но пусть они попробуют расшифровать неуловимые сигналы. Атрейдесы пользовались этой тайной системой общения на протяжении многих веков, но человечество за это время не придумало ничего более мудрого.

Снаружи наступила ночь, но в помещении не было окон, и оно круглые сутки освещалось шаровидными лампами, развешанными по углам на потолке.

«Многие из тех, кого мы взяли, – люди Алии», – жестами сообщил Джессике Халлек, вслух говоря о том, что рассле-

дование продолжается.

«Ты это предвидел», – ответила тайным кодом Джессика. Она кивнула и заговорила: – Я надеюсь, что вы представите мне полный отчет о расследовании, Гурни.

– Конечно, госпожа, – ответил Халлек. Его пальцы снова заработали: «Есть и еще кое-что, и это кое-что очень меня тревожит. Мы вводили допрашиваемым психотропные средства, и многие из них говорили о Якуруту. Стоило им произнести это название, как они тотчас умирали».

«Запрограммированная остановка сердца?» – знаками спросила Джессика и продолжила вслух: – Вы отпустили кого-нибудь из задержанных?

– Да, несколько очевидных олухов, – ответил Гурни, однако его пальцы говорили другое: «Мы подозреваем, что это сердечная компульсия, но полной уверенности пока нет, вскрытие еще не закончено. Я решил, что вы должны знать обо всем, поэтому и явился так скоро».

«Мы с герцогом всегда думали, что Якуруту – это только красивая легенда, вероятно, основанная на каких-то реальных фактах», – пальцы Джессики работали автоматически; она сумела подавить боль, вызванную упоминанием давно умершего возлюбленного.

– Вам угодно что-нибудь приказать, госпожа? – вслух осведомился Халлек.

Вслух Джессика ответила, что Гурни может вернуться на взлетную площадку и заканчивать дела, а потом вернуться с

подробным докладом о результатах, однако руки ее передали другое сообщение:

«Возобнови связи со знакомыми контрабандистами. Если Якуруту существует, то эти люди добывают себе пропитание продажей зелья. Нет более надежного рынка для него, чем контрабандисты».

Халлек склонил голову и ответил кодом:

«Я уже занялся этим вопросом, госпожа. – Инстинкт охранника и телохранителя возобладал, и Гурни закончил на привычной ноте: – Будьте осторожны здесь. Алиа – ваш враг, а большинство священников на ее стороне».

«Но не Джавид, – ответили пальцы Джессики. – Он ненавидит Атрейдесов. Сомневаюсь, что кто-то может это обнаружить, кроме адепта, но я отчетливо это вижу. Он плетет заговор против Алии, но она об этом не подозревает».

– Я выделил для вас дополнительную охрану, – вслух произнес Гурни, стараясь не замечать огонек недовольства, вспыхнувший в глазах Джессики. – Я уверен, что некоторая опасность все же существует. Вы проведете ночь здесь?

– Нет, позже мы отправимся в сиетч Табр, – ответила она и подумала, не стоит ли отказаться от дополнительной охраны, но промолчала. Инстинктам Гурни стоит доверять. На собственном опыте в этом убедился не один властитель из рода Атрейдесов, как к своему удовольствию, так и на собственной шкуре. – У меня будет еще одна встреча – с Мастером Новициации, а потом я с радостью покину это место.

*И увидел я другого зверя, вставшего из песка, и были у него два рога, похожих на агнчие, но в пасти сверкали клыки и изрыгал зверь пламя, как дракон, и светился зверь огнем и жаром и шипел по-змеиному.
(Библия Вильгельма Оранского)*

Он называл себя *Проповедником*, и среди жителей Ар-ракиса распространился сверхъестественный страх, что это вернулся из Пустыни считавшийся умершим Муад'Диб. Он мог остаться в живых, ибо кто из смертных видел воочию его мертвое тело? Да и кто вообще видел тела людей, которых взяла Пустыня? Но все-таки, неужели это – Муад'Диб? Однако до сих пор не нашлось ни одного старца, который выступил бы вперед и сказал: «Да, это Муад'Диб. Я видел и узнал его».

Но все же... как и Муад'Диб, Проповедник был слеп. Его пустые черные глазницы были обезображены шрамами от ожогов, причиненных огнеметом для выжигания камней. Его голос был грубоватым и надтреснутым, одно звучание его трогало неведомые струны в глубине души любого человека и взывало к истине. Многие заметили это. Проповедник этот был страшно тощ, лицо его было изборождено морщинами, а волосы белы от седины. Но такое бывало со всеми, кто подолгу жил в Пустыне. Пусть каждый сын Пустыни

посмотрит на себя – ему не нужны будут другие доказательства. Но был и еще один предмет спора. У Проповедника был провожатый – молодой парень, фримен, который утверждал, что работает у слепца за плату. Никто не знал, из какого он сиегча. Некоторые спорили, что Муад’Диб, способный прозревать будущее, не нуждался в поводыре, который мог понадобиться ему только в минуты отчаяния и тоски. Им возражали, что, видимо, это время наступило, и теперь великому Муад’Дибу нужен поводырь, и это знали все.

Однажды зимним утром Проповедник появился на улицах Арракина, загорелая, переплетенная темными венами рука его лежала на плече молодого поводыря. Этот поводырь, который называл себя Ассаном Тариком, вел своего подопечного по кремнистой пыли с живостью и ловкостью истинного жителя Пустыни, который мгновенно замечает любое препятствие.

Люди заметили, что Проповедник носит поверх Пустынного костюма обычную бурку. Такие бурки делали в отдаленных сиегчах Пустыни по старинному образцу. Одет Проповедник был отнюдь не в рубища, которые столь часто носят в наши дни бродячие фанатики. Носовой раструб, через который под одежду подавался увлажненный выдох, был заплетен в косу невиданного черно-красного цвета. Маска костюма, закрывавшая нижнюю половину лица, была заткана зеленым полотном с отметинами песчаных бурь Пустыни. Всем своим обликом Проповедник производил впечатление при-

шельца из прошлого Дюны.

В то утро, когда улицы были заполнены толпами, многие заметили слепца. Трудно было не обратить внимание на это шествие – слепой фримен был необычайной редкостью. Закон фрименов отдавал слепых во власть Шай-Хулуда. Буква этого Закона, хотя его уже не столь ревностно почитали в мягкие новые времена, когда на планете наступило изобилие воды, осталась тем не менее неизменной. Слепец должен стать даром Шай-Хулуду. Незрячих выводили в Пустыню, где их пожирали большие черви. Когда это бывало сделано – а предания о таких событиях существовали во всех городах, – то слепых пожирали самые большие черви: их называли Старцами Пустыни. Таким образом, слепой на улице возбуждал немалое любопытство, и свидетели останавливались, чтобы поглазеть на странную пару, шествующую по улице.

Парню-поводырю было на вид около четырнадцати стандартных лет, на нем был модифицированный защитный костюм; лицо оставалось открытым для иссушающего ветра Пустыни. У поводыря были тонкие черты лица, голубые глаза, затуманенные зельем, небольшой вздернутый нос и наивные глаза, выражавшие полную невинность, которая в юности служит отличной маской цинизма. В противоположность поводырю слепой шел вперед широкими шагами человека, который за долгие годы жизни привык либо ходить пешком, либо ездить на прирученных червях. Голова его была высо-

ко поднята, а шея была почти неподвижна – весьма характерная для слепых осанка. Шея его сгибалась, только когда Проповедник поворачивал голову в сторону интересующего его звука.

Рассекая толпу, странная пара проследовала к огромным ступеням, ведущим к громадному сооружению – Храму Алии, достойному сопернику Убежища Пауля. Поднявшись по ступеням, Проповедник и его юный поводырь остановились на третьей площадке, где паломники, совершавшие хадж, ожидали утреннего открытия гигантских ворот. Према этих ворот с лихвой хватило бы на постройку в нем самого величественного из храмов древних религий. Говорили, что, пройдя через эти ворота, душа паломника уменьшалась до размеров пылинки, способной пройти на небо сквозь игольное ушко.

На краю третьей площадки Проповедник оглянулся, словно мог своими пустыми глазницами видеть праздную толпу обитателей города. Некоторые из них были одеты в искусственную имитацию защитных костюмов, хотя были сшиты из декоративной ткани. Проповедник *видел* паломников, только что сошедших с космического корабля, а теперь ожидавших своей очереди припасть к святыне, чтобы обеспечить себе место в раю.

На площадке было весьма шумно: здесь толпились последователи Духовного Культа Махди с живыми ястребами, приученными издавать «зов к небу». Между паломни-

ками сновали продавцы еды, громко предлагавшие свой товар. Продавалась здесь и всякая всячина – торговцы изо всех сил старались перекричать друг друга. Один торговец предлагал одежды, к которым прикасался сам Муад’Диб. Другой продавал флаконы с водой из сиегча Табр, где жил Муад’Диб. В разноголосом гомоне толпы диалекты галактического языка смешивались с гортанными звуками языков внешнего кольца, покоренного Империей. Выделялись яркие одежды гимнастов и плясунов с планет тлейлаксу, показывавших свое искусство. Встречались худые и изможденные, полные и одутловатые лица. Слышалось шарканье тысяч подошв о рубчатые плиты площадки. Периодически гомон покрывал пронзительный крик исступления: «Муа-а-ад’Диб! Муа-а-ад’Диб! Приими восхождение моей души! О ты, присный Богу, приими мою душу! Муа-а-ад’Диб!»

Два бродячих актера в толпе за несколько монет разыгрывали сценку из популярного «Диспута между Правоверным и Леандграхом».

Склонив голову, Проповедник внимательно слушал шутовскую перепалку.

Актеры, городские жители средних лет, усталыми голосами обменивались репликами. По требованию Проповедника поводырь описал их внешность. Артисты выглядели нелепо и неуклюже в своих мешковатых одеждах, даже отдаленно не напоминающих строгие защитные костюмы Пустыни, но даже эти просторные лохмотья не могли скрыть их нездорово-

вых, отечных тел. Ассан Тарик нашел это забавным, однако Проповедник строго упрекнул его за это.

Один из актеров, игравший роль Леандграха, заканчивал свою реплику:

– Ба! Ухватить Вселенную может лишь чувствующая рука. Именно эта рука приводит в движение твой драгоценный мозг и все, что он производит. Ты увидишь, что ты сотворил, ты сам *станешь* чувствующим только после того, как рука сделает свое дело.

Публика зааплодировала.

Проповедник втянул ноздрями воздух, и нос его ощутил богатейшую палитру запахов: дешевая синтетика плохо скроенных костюмов, разнообразные духи и дезодоранты, кремниевая пыль Пустыни, дух незнакомой экзотической пищи и аромат курений, которые возожгли тем временем в Храме Алии. Эти курения по строго рассчитанной траектории растекались по площадкам гигантской лестницы. Мысли Проповедника, словно в зеркале, отразились на его лице. *Мы дошли до этого, мы, фримены!*

По толпе на лестнице и площадках прошло какое-то движение. У подножия лестницы появились Песочные Танцоры. Две трети из них были связаны друг с другом толстыми веревками. Они танцевали свой танец уже много дней, дойдя до последней ступени экстаза. Они неистово дергались и извивались в такт таинственной музыке, на их губах пузырилась пена. Треть же, бегая взад и вперед, увлекала за со-

бой остальных веревками, словно кукол в театре марионеток. Одна из этих кукол внезапно пришла в себя и остановилась. Вся толпа в нетерпении замерла – все знали, что сейчас произойдет.

– Я ви-и-идел! – громко вскричал пришедший в себя Танцор. – Я ви-и-идел!

Дико вращая глазами, человек пытался удержаться на месте, изо всех сил сопротивляясь натяжению веревок.

– Там, где простирается этот город, будут пески!

Ответом был громкий хохот зрителей. Смеялись даже новые паломники, только жаждущие обращения и просветления.

Это было слишком для Проповедника. Он поднял вверх руки и крикнул голосом, которому позавидовал бы погонщик песчаных червей:

– Тише!

Площадь послушно замерла при этом громовом кличе.

Проповедник простер худую руку по направлению к Танцорам. Толпу охватило жуткое чувство того, что слепец отчетливо их видит.

– Вы что, не слышали этого человека? Вы все богохульники и идолопоклонники! Все! Религия Муад’Диба – это не сам Муад’Диб. Он отвергает идолопоклонство и отвергает вас! Вы будете погребены песком.

Сказав это, он опустил руки, положил ладонь на плечо поводыря и сказал:

– Уведи меня из этого места.

Неизвестно, что именно подействовало на толпу: слова ли Проповедника: «Он отвергает идолопоклонство и отвергает вас!» – или нечеловеческая, сверхъестественная интонация, которой могли научить только Бене Гессерит. То был голос, который источал едва заметные, но от того не менее мощные флюиды. Возможно, сыграл роль мистический ореол храма, где жил, дышал и ходил Муад’Диб, но из притихшей толпы раздался трепетный голос, полный религиозного благоговения:

– Неужели это сам Муад’Диб вернулся к нам?

Проповедник остановился, открыл сумку, висевшую под буркой, и извлек оттуда то, что немедленно узнали стоявшие поблизости от него. Это была высушенная в знойных песках человеческая рука. Такие напоминания о бренности человека частенько находили в Пустыне, и люди считали, что это сообщения Шай-Хулуда. Эта рука была иссушена и сжата в кулак, с противоположной стороны виднелась выбеленная солнцем и зноем кость, изборозденная песчаными бурями.

– Я принес Руку Бога, и это все, что я принес! – громовым голосом воскликнул Проповедник. – Я говорю от имени длани Божьей. Я – Проповедник.

Некоторые подумали, что это была рука Муад’Диб, но другие были как громом поражены ужасным повелевающим голосом – вот так Арракис узнал имя этого человека, которое он пожелал сказать. Но то был не последний раз, когда

народ слышал этот голос.

Есть такое общепринятое мнение, дорогой мой Георад, что в употреблении меланжи есть естественная добродетель. Возможно, что это истина. Однако в глубине души меня обуревают глубокие сомнения в том, что каждое употребление меланжи приобщает человека к добродетели. Кажется мне, что некоторые люди из неверных побуждений и превратного понимания пользуют меланжу, бросая вызов Богу. Говоря словами Экуменаона, такие люди уродуют свою душу. Они снимают сливки с меланжи, думая, что таким образом приобщаются благодати. Они отвращаются от своих сотоварищей, вредят божественному и злонамеренно искажают значение этого обильного дара, нанося себе урон, который человек не в силах возместить. Чтобы стать заодно с естественной добродетелью меланжи, быть во всех отношениях безупречным и исполниться чести, нельзя допускать расхождения между словом и делом. Если же действия твои приводят к дурным последствиям, то судить тебя надо за последствия, а не за объяснение причин, их вызвавших. И именно за это следует осудить Муад'Диб.

(Педантическая ересь)

Небольшая комната была пропитана запахом озона. Размеры помещения скрадывались еще больше тусклым светом

лампы и голубовато-серым светящимся экраном следящего монитора. На экране шириной в один метр и высотой в шестьдесят сантиметров во всех подробностях была видна бесплодная, окруженная горами долина. На первом плане виднелись два лазанских тигра, доедавших окровавленные останки. Позади зверей на склоне холма стоял стройный человек в форме Сардаукарской гвардии с надписью «Левенбрых» на воротнике. На груди сардаукара висела сервомеханическая панель управления.

Напротив экрана стояло анатомическое кресло, в котором сидела светловолосая женщина неопределенного возраста, одетая в просторное, скрывающее фигуру, отороченное золотой каймой платье. Лицо женщины сужалось к подбородку, красивые руки судорожно сжимали ручки кресла. Женщина не отрываясь смотрела на экран монитора. Рядом с креслом стоял плотный мужчина в бронзово-золотистой форме сардаукарского адъютанта башара старой Империи. Седеющие волосы коротко подстрижены, лицо – бесстрастно.

Женщина коротко кашлянула.

– Все, как вы говорили, Тиеканик, – сказала она.

– Вы могли сразу на меня положиться, принцесса, – хриплым низким голосом отозвался адъютант.

Она улыбнулась, почувствовав напряжение в его интонациях, и спросила:

– Скажите, Тиеканик, моему сыну пойдет имя императора

Фарад'на Первого?

– Этот титул очень подойдет ему, принцесса.

– Я спрашиваю не об этом.

– Возможно, ему не очень понравится способ, которым будет добыт его... э-э-э... титул.

– Знаете... – принцесса повернула голову и сквозь полумрак комнаты взглядела в лицо офицера. – Вы преданно служили моему отцу, и не ваша вина в том, что трон достался Атрейдесам. Но я понимаю, что острота этой потери так же много значит для вас, как и...

– Принцессе Венсии угодно дать мне особое задание? – спросил Тиеканик. Голос остался хриплым, но теперь в нем появилась военная четкость.

– У вас есть плохая привычка перебивать меня.

Мужчина улыбнулся, обнажив ряд безукоризненных зубов, сверкнувших в свете экрана.

– Временами вы напоминаете мне вашего отца, – произнес он. – Всегда длинная преамбула, прежде чем дать щекотливое... э-э-э... поручение.

Принцесса резко отвернулась, чтобы скрыть гнев, спросила:

– Вы действительно думаете, что эти лазанские звери вернут моему сыну трон?

– Это очень возможно, принцесса. Вы должны признать, что для этих двух кошек двое атрейдесовских бастардов не более чем лакомое блюдо. А уж когда близнецы исчезнут... –

Он пожал плечами.

– Естественным наследником автоматически становится внук Шаддама Четвертого, – заговорила принцесса. – Правда, это произойдет, если мы сумеем отвести возражения фрименов, Совета Земель и тех из Атрейдесов, которые, возможно, останутся...

– Джавид уверяет меня, что он и его люди легко справятся с Алией. Госпожу Джессику я не считаю наследницей Атрейдесов. Кто там еще?

– Совет Земель и Галактический Совет поддержат того, кто больше заплатит, – произнесла женщина, – но как быть с фрименами?

– Мы опутаем их религией Муад'Диб!

– Это легче сказать, чем сделать, Тиеканик.

– Ясно, – проговорил мужчина, – мы опять возвращаемся к нашему старому спору.

– Дом Коррино творил и не такие злодеяния, чтобы захватить власть.

– Но чтобы такое... Это же религия Махди!

– Мой сын относится к вам с большим уважением, – сказала принцесса после недолгого молчания.

– Принцесса, я жду не дождусь того дня, когда Дом Коррино вернет себе по праву принадлежащий ему трон. Так же думают все сардаукары, оставшиеся здесь, на Салусе. Но если вы...

– Тиеканик! Эта планета называется Салуса Секундус. Не

впадайте в небрежность, свойственную нынешней Империи, не скатывайтесь в дурной тон. Полные названия, полные титулы, внимание к мельчайшим деталям! Именно эта атрибутика выпустит в песок Арракиса кровь Атрейдесов. Каждая деталь, Тиеканик!

Он понимал, чего хочет принцесса достичь этой атакой. Это было частью арсенала уловок, усвоенного принцессой у ее сестры Ирулан. Однако Тиеканик тотчас почувствовал, что почва уходит из-под его ног.

– Вы слышите меня, Тиеканик?

– Я внимательно слушаю вас, принцесса.

– Я желаю, чтобы вы взяли под контроль религию Муад’Диб, – сказала она.

– Принцесса, за вас я пойду в огонь и в воду, но это...

– Это приказ, Тиеканик!

Он судорожно проглотил слюну и начал внимательно смотреть на экран. Тигры закончили свою кровавую трапезу и, лениво развалившись на песке, вылизывали передние лапы.

– Это приказ, Тиеканик, вы меня поняли?

– Слушаю и повинуюсь, принцесса, – тон Тиеканика не изменился ни на йоту.

Она тяжело вздохнула.

– О, если бы был жив мой отец...

– Да, принцесса.

– Не дразни меня, Тиеканик. Я понимаю, что для тебя это

не слишком хорошо пахнет, но если бы ты подал пример...

- Он может не последовать за мной, принцесса.
- Он последует. – Принцесса помолчала и ткнула пальцем в экран. – Этот Левенбрех может стать помехой и создать проблемы.
- Проблемы? Каким образом?
- Сколько людей знает о тиграх?
- Сам Левенбрех – он их тренер... пилот транспорта, вы и, конечно... – Тиеканик ударил себя в грудь.
- А покупатели?
- Они ничего не знают. Чего вы опасаетесь, принцесса?
- Мой сын очень догадлив.
- Сардаукары не выдают тайн, – сказал Тиеканик.
- Мертвые тоже. – Принцесса нажала красную кнопку под экраном.

Лазанские тигры лениво поднялись, посмотрели на Левенбреха и огромными прыжками понеслись к вершине холма.

Левенбрех, сохраняя поначалу полное спокойствие, повернул ключ, однако кошки продолжали свой бег. Потеряв самообладание, Левенбрех лихорадочно продолжал поворачивать ключ. Поняв бесплодность этих попыток, он потянулся к ножу на поясе, но было поздно. Мощная лапа ударила его в грудь и повалила на землю: человек не успел коснуться ее, когда второй тигр вонзил свои клыки в шею Левенбреха. Тело его дернулось и застыло.

– Внимание к деталям, – многозначительно произнесла принцесса. Повернувшись к Тиеканику, она похолодела и напряглась – адъютант башара достал нож. Однако тревога женщины была напрасной – мужчина взял оружие за лезвие и протянул его принцессе.

– Может быть, вы воспользуетесь моим ножом, чтобы привлечь внимание и к другим деталям, – сказал он.

– Вложите оружие в ножны и не будьте дураком! – принцесса пришла в ярость. – Иногда, Тиеканик, вы пытаетесь...

– Это был хороший человек, принцесса. Один из моих лучших.

– Из *моих* лучших, – поправила она его.

Не в силах унять дрожь, Тиеканик вздохнул и спрятал нож.

– Что будет с пилотом? – поинтересовался он.

– Погибнет в катастрофе, – ответила принцесса. – Вы посоветуете ему принять все меры предосторожности при доставке зверей обратно к нам, и когда вы прибудете на место... – женщина выразительно посмотрела на нож.

– Это приказ, принцесса?

– Да.

– После этого я должен буду упасть на нож, не так ли, принцесса, или вы сами позаботитесь о деталях?

Принцесса заговорила с деланным спокойствием, но в голосе ее таилась угроза.

– Тиеканик, если бы я не была уверена, что вы по первому

моему приказу броситесь на нож, то вы не стояли бы рядом со мной – с оружием.

Он поперхнулся и посмотрел на экран. Кошки снова ели.

Принцесса же не отрываясь смотрела на Тиеканика. Помолчав, она заговорила:

– Кроме того, вы сообщите покупателям, чтобы они больше не доставляли нам детей, похожих на интересующих нас.

– Как прикажете, принцесса.

– Не говорите со мной таким тоном, Тиеканик.

– Слушаюсь, принцесса.

Губы женщины вытянулись в узкую полоску.

– Сколько у нас осталось костюмов?

– Шесть наборов вместе с защитными костюмами и обувью, на всех вещах геральдические знаки Атрейдесов.

– Хорош ли материал?

– Материал годится для царского наряда, принцесса.

– Внимание к деталям, – сказала она. – Одежду надо послать на Арракис в дар нашим царственным кузенам. Это будут дары моего сына, вы поняли меня, Тиеканик?

– Я все понял, принцесса.

– Пусть он составит приличествующее случаю письмо. Надо написать, что эти скромные одежды – в знак своей преданности Дому Атрейдес или что-нибудь в этом роде.

– А случай?

– Пусть это будет день рождения, или праздник, или еще что-нибудь. Это я предоставляю вам, Тиеканик. Я полностью

доверяю вам, мой друг.

Он молча смотрел на принцессу.

Лицо его стало жестким.

– Вы точно хотите это знать? Но на кого я еще могу положиться, кроме вас, после смерти моего мужа?

Тиеканик пожал плечами, думая о том, что принцесса пытается опутать его своей сетью. Ни в коем случае нельзя сближаться с ней, как это, по-видимому, сделал Левенбрех.

– Да, Тиеканик, еще одна деталь.

– Слушаю вас, принцесса.

– Моему сыну пора учиться править. Скоро придет время, когда ему надо будет взять в руки меч. Вы знаете, когда наступит этот момент, и, как только он наступит, немедленно известите меня.

– Повинуюсь, принцесса.

Женщина откинулась на спинку кресла и испытующе посмотрела на Тиеканика.

– Я вижу, что вы не одобряете мои действия, но для меня это не важно до тех пор, пока вы будете помнить урок Левенбреха.

– Он был чудесным дрессировщиком, но вполне заменимым человеком, принцесса.

– Это совсем не то, что я хотела сказать!

– Нет? Но тогда... я не понимаю.

– Армия, – изрекла принцесса, – состоит из сменных частей. Вот в чем заключается урок Левенбреха.

– Взаимозаменяемых частей, – проговорил Тиеканик, – включая высшее командование.

– Без высшего командования нет смысла содержать армию, Тиеканик. Поэтому займитесь религией Махди и обращением моего сына.

– Я не стану медлить, принцесса. Полагаю, что вы не хотите, чтобы я пожертвовал военными искусствами ради этой... э-э-э... религии?

Принцесса резко встала и, обойдя Тиеканика, словно неодушевленный предмет, направилась к двери.

– Вы слишком часто начинаете испытывать мое терпение, Тиеканик. – С этими словами она вышла.

Перед нами стоит дилемма: либо мы оставляем почитающуюся непогрешимой теорию относительности, либо расстаемся с верой в нашу способность точно и воспроизводимо предсказывать будущее. В самом деле, проблема знания будущего порождает массу вопросов, ответить на которые, принимая общепринятые допущения, невозможно, если только исследователь, во-первых, не поставит наблюдателя вне времени и, во-вторых, не сведет к нулю всякое движение. Если вы принимаете теорию относительности, то должны признать, что в ее рамках время и наблюдатель находятся в строго определенном взаимодействии; в противном случае в расчеты вкрадываются неточности. Может, таким образом, показаться, что точное предсказание будущего невозможно в принципе. Но как тогда объяснить то, что люди находят за пределами видимых целей уважаемых ученых? Как в таком случае можем мы объяснить феномен Муад'Диб?

(Лекции о предзнании, Харка аль-Ада)

– Мне надо кое-что сказать тебе, хотя я понимаю, что мои слова напомнят о многих опытах нашего совместного прошлого, а это может принести тебе определенный вред.

Джессика помолчала и посмотрела на Ганиму, стараясь

понять, какое впечатление произвело на девочку ее предупреждение.

Они сидели вдвоем на низких подушках в покоех сиегта Табр. Потребовалось немалое искусство, чтобы устроить эту встречу наедине, и Джессика не была уверена, что это искусство потребовалось от нее одной. Ганима проявляла недюжинную способность к предчувствию и обостренному пониманию.

Прошло почти два часа после восхода солнца, время приветствий и восторгов осталось позади. Джессика успокоила неистовое биение сердца и постаралась сосредоточить внимание на грубых стенах покоев, украшенных темными занавесями и желтыми подушками. Напряжение тем не менее росло, и впервые за многие годы Джессика вспомнила Литанию против страха, усвоенную в Бене Гессерит.

«Я не должна бояться. Страх убивает ум. Страх – это маленькая смерть, которая несет с собой полное оцепенение. Я смело встречу свой страх. Пусть он охватит меня и пройдет через меня. И только когда он пройдет, я обращаю свой внутренний взор на его путь. Там, где прошел страх, не остается ничего. Остаюсь только Я».

Мысленно повторив литанию, Джессика, успокоившись, глубоко вздохнула.

– Иногда это помогает, – сказала вдруг Ганима. – Я имею в виду литанию.

Джессика прикрыла глаза, чтобы скрыть то потрясение,

которое вызвала у нее поразительная способность девочки к инсайту. Уже много лет не приходилось Джессике встречать людей, которые могли бы читать ее сокровенные мысли. Такое понимание и проникновение смущали еще больше, поскольку таились за маской детского личика.

Встретив свой страх, Джессика открыла глаза. Теперь она поняла источник этого страха: *Я боюсь за своих внуков*. У детей не было ни одной стигмы Мерзости, которая столь явно проступала в облике Алии, однако Лето проявлял пугающую скрытность. Именно поэтому его Джессика под благовидным предлогом исключила из этой встречи.

Повинуясь внезапному импульсу, Джессика отбросила эмоциональную маску, защитный барьер, понимая при этом, что от него в данном случае мало пользы. Она не делала этого с тех времен, когда общалась со своим возлюбленным герцогом, и испытала одновременно облегчение и боль. Оставались факты, которые невозможно устранить ни молитвой, ни литанией. От упрямых фактов не спасешься позорным бегством. Их нельзя игнорировать. Стихия видения Пауля видоизменилась и коснулась его детей. В пустоте Ничто есть магнетическое притяжение; над головами детей сгущались тучи зла и досадного неумения пользоваться властью.

Ганима, наблюдая за игрой чувств на лице бабушки, поняла, что Джессика отбросила всякую осторожность.

Синхронно, как автоматы, внучка и бабушка взглянули в глаза друг другу, и между ними начался обмен мыслями, раз-

говор без слов, но исполненный глубокого смысла.

Джессика: *Я хочу, чтобы ты видела мой страх.*

Ганима: *Теперь я вижу, что ты любишь меня.*

Это был момент наивысшего взаимного доверия.

Джессика заговорила вслух:

– Когда твой отец был еще ребенком, я привезла на Каладан Преподобную Мать, чтобы испытать его.

Ганима кивнула. Память об этом была жива в сознании девочки.

– Мы, Бене Гессерит, принимали все меры предосторожности, чтобы быть уверенными в том, что дети, которых мы воспитываем, – люди, а не животные. По внешним же признакам не всегда можно об этом судить.

– Так вас учили, – сказала Ганима, и память захлестнула ее: старая Бене Гессерит, Гайя-Елена Мохийам, прибывшая в Замок Каладана с гом джаббаром и ящиком жгучей боли. Рука Пауля (а сейчас рука Ганимы) корчилась от невыносимой боли, а стоявшая рядом старуха спокойным голосом говорила о неминуемой смерти при попытке выдернуть руку из ящика. И какое могло быть сомнение в неминуемой смерти, если к детской шее была приставлена смертоносная игла. Старческий голос между тем продолжал свое объяснение:

«Ты слышал о животных, которые перекусывают свои лапы, попав в капкан. Но так поступают именно животные. Человек должен остаться в ловушке, пережить боль, презирая смерть и отгоняя ее возможностью убить самого

охотника, расставляющего капканы, и тем отвести угрозу от своего рода».

Ганима, вспоминая страшную боль, иступленно затрясла головой. Огонь! Огонь! Пауль видел, как кожа сворачивается и чернеет, плоть трескается и отделяется от обугленных костей. Но все это было видением – рука осталась невредимой. Однако при одном воспоминании об этом ужасе на лбу Ганимы выступил холодный пот.

– Конечно, ты можешь помнить об этом событии то, что не могу помнить я, – сказала Джессика.

В какой-то момент, увлеченная притяжением памяти, Ганима увидела бабушку в совершенно ином свете: насколько глубоко эта женщина была закалена ранними формами обучения у Бене Гессерит! Но это породило еще больше вопросов о причинах возвращения Джессики на Арракис.

– Было бы неразумно повторять такие испытания на тебе или твоём брате, – заговорила Джессика. – Вы же знаете суть этих испытаний. Но я должна признать, что вы – люди и не станете использовать во вред унаследованные вами силы и способность повелевать.

– Но совершенной уверенности у тебя нет, – возразила Ганима.

Джессика поняла, что барьеры снова водворились на место, и убрала их, спросив:

– Ты хочешь поверить в мою любовь к вам?

– Да, – ответила Ганима и подняла руку, видя, что Джес-

сика собирается говорить. – Но эта любовь не остановит тебя при необходимости уничтожить нас. Я даже знаю основание: «Лучше пусть человек-животное погибнет, нежели будет плодить себе подобных». Это особенно верно, если человек-животное носит имя Атрейдесов.

– Во всяком случае, ты – человек, – выпалила Джессика. – Я доверяю своим инстинктам в этом отношении.

Ганима почувствовала искренность в тоне бабушки.

– Но в Лето ты не уверена.

– Нет.

– Мерзость?

Джессика, потеряв дар речи, смогла только кивнуть в ответ.

– Пока еще нет, – заговорила Ганима. – Мы оба сознаем эту опасность, мы же видим Алию.

Джессика прикрыла ладонями глаза. *Даже любовь не может защитить нас от непрошенных фактов.* Она знала, что любит дочь вопреки жестокой судьбе и своей роли в ней. *Алия, о, Алия! Прости меня за то, что мне придется убить тебя!*

Ганима судорожно выдохнула.

Джессика опустила руки. *Я могу оплакивать свою возлюбленную дочь, но сейчас у меня другие задачи.*

– Так вы поняли, что произошло с Алией?

– Мы с Лето видели, как это случилось, и были бессильны помешать, хотя обсуждали многие возможности.

– Ты уверена, что твой брат чист?

– Да.

Невозможно было отринуть спокойную уверенность в голосе Ганимы, и Джессика поверила ей.

– Как вам удалось этого избежать?

Ганима рассказала, что они с Лето избегали меланжевого транса, и это отличало их от Алии. На этом была выстроена теория о том, как уйти от Мерзости. Рассказала Ганима и о снах Лето, и о его желании посетить Якуруту.

Выслушав внучку, Джессика кивнула.

– Алиа принадлежит к Дому Атрейдес, и это создает немало проблем.

Ганима замолчала, и вдруг до нее дошло, что бабушка оплакивает своего герцога так, словно он умер только вчера, что она будет хранить память о нем, несмотря на все угрозы и жизненные перипетии. Личная память о герцоге охватила Ганиму, острота потери смягчилась пониманием.

– Теперь, – голос Джессики стал резким и отчетливым, – поговорим о Проповеднике. Вчера я слышала некоторые тревожные подробности во время этого проклятого Просветления.

Ганима пожала плечами.

– Возможно, это...

– Пауль?

– Да, но мы не видели его и не можем утверждать это.

– Джавид смеется над этими рассказами, – сказала Джес-

сика.

Ганима заколебалась, но потом спросила:

– Ты доверяешь этому Джавиду?

Губы Джессики тронула жестокая усмешка.

– Не больше чем ты.

– Лето говорит, что Джавид смеется не над теми вещами.

– Довольно о смехе Джавида, – произнесла Джессика. –

Меня больше интересует, насколько серьезно вы относитесь к тому, что мой сын вернулся в таком обличье?

– Мы бы сказали, что это возможно. А Лето... – У Ганимы вдруг пересохло во рту, когда она вспомнила тот страх, который так недавно стискивал ее грудь, но она переступила через страх и рассказала Джессике о снах Лето, связанных с предзнанием.

Охваченная грустью и болью Джессика принялась рассказывать на подушке из стороны в сторону.

– Лето сказал, что должен найти Проповедника и убедиться... – сказала Ганима.

– Да... Конечно. Мне не следовало уезжать отсюда, я проявила недопустимое малодушие.

– Зачем ты обвиняешь себя? Ведь ты дошла до предела. Я знаю это, и Лето тоже. Мне кажется, что об этом знает и Алия.

Джессика потеряла рукой горло.

– Да, вся проблема заключается именно в ней.

– Это очень странно, но она притягивает Лето, словно маг-

нит, — сказала Ганима. — Именно поэтому я помогла тебе встретиться со мной наедине, без него. Он согласен, что для Алии нет спасения, но хочет быть рядом с ней, чтобы изучить ее. И... это очень меня беспокоит. Когда я пытаюсь заговорить с ним об этом, он засыпает...

— Она соблазняет его?

— Нет-нет! — Ганима энергично потрянула головой. — Но он чувствует какую-то странную эмпатию по отношению к Алие. И... во сне он часто произносит слово *Якуруту*.

— Опять! — Джессика сразу вспомнила слова Гурни о заговорщиках, собравшихся в космопорте.

— Иногда я боюсь, что это именно Алиа побуждает Лето искать Якуруту, — продолжала Ганима. — Я сама склонна думать, что это всего лишь легенда. Но ты, конечно, ее знаешь.

Джессика содрогнулась.

— Ужасная история! Просто ужасная!

— Что мы должны делать? — спросила Ганима. — Я боюсь проникать в свою память, во все свои прошлые жизни...

— Я тоже хочу предостеречь тебя от этого, ты не должна рисковать...

— Это может случиться помимо моей воли и боязни риска. Откуда мы можем знать, что в действительности случилось с Алией?

— Нет! Ты можешь уберечься от этого *обладания*, — Джессика с трудом выдавила из себя это слово. — Значит... Якуруту, да? Я послала Гурни найти это место — если оно, ко-

нечно, существует.

– Но как он сможет... О, я же забыла о контрабандистах.

Джессика была поражена до немоты еще одним примером способности Ганимы проникать во внутренний мир других людей. *Боже мой! Как это странно*, подумала Джессика, *что эта юная плоть способна вместить в себя всю память Пауля, по меньшей мере до того момента, когда в его сперматозоиде произошло отделение от прошлых воспоминаний*. Это было вторжением в самую интимную часть личности, против которой восстало все примитивное и древнее, что было в душе Джессики. В тот же миг она погрузилась в абсолютное и непоколебимое суждение Бене Гессерит: *Мерзость!* Однако в этом нежном создании было столько сладости, готовности пожертвовать собой во имя брата, что Джессика не смогла удержаться от чувства умиления.

Мы – одна жизнь, протянутая в темное будущее, подумала женщина. *Мы – одна кровь*. Она преисполнилась решимости принять на себя ответственность за те события, которые последуют за их с Гурни решением. Лето надо разлучить с Ганимой и воспитывать в полном соответствии с требованиями Общины Сестер.

Я слышу, как завывает ветер, дующий в Пустыне, вижу, как восходят зимние луны, подобные кораблям, плывущим в пустоте. Им приношу я свою клятву: Я буду решителен и овладею искусством правления. Я овладею своей унаследованной памятью о прошлом и стану надежным ее хранилищем. Я прославлюсь более своей добротой, нежели знанием. Лицо мое будет светить во времени вечно, пока пребудет род людской.

(Клятва Лето, по Харку аль-Ада)

Будучи совсем юной, Алия Атрейдес посвятила много времени практике транса *прана-бинду*, стараясь защитить свою сокровенную личность от посягательств *всех прочих*. При этом она знала, что основная трудность заключается в невозможности избежать употребления меланжи в тесном пространстве сиетча. Меланжа была всюду: в пище, воде, воздухе и даже в ткани платка, куда она выплакала по ночам немало слез. Очень рано познала Алия смысл сиетчских оргий, во время которых участники пили мертвую воду червей. Во время оргий фримены освобождались от накопленного давления генетической памяти, после чего могли отрицать само ее существование. Алия видела, как ее подруги становились зомби во время таких оргий.

Для нее самой не существовало ни такого освобождения, ни отрицания. Сознание пришло к ней задолго до физического рождения. С этим осознанием явилось апокалиптическое знание условий своего существования: запертая в чреве матери, она с трагической неизбежностью входила в соприкосновение с масками всех своих предков и всех, кто так или иначе посмертно через мертвую росу передавал душу госпоже Джессике. Еще до рождения Алиа знала все, что надлежит знать Преподобной Матери Бене Гессерит – плюс многое, многое другое обо *всех прочих*.

В этом знании содержалось признание чудовищной реальности – Мерзости. Тотальность этого знания высасывала из Алиа все силы. Предрожденное не ушло после рождения. Она продолжала сражаться с призраками своих предков на протяжении всего детства, одержав в этой битве временную пиррову победу. У Алиа была собственная личность, но не было иммунитета против случайного вторжения тех, кто в своей рефлексированной жизни проходил сквозь ее душу.

Такой в один прекрасный день стану и я, думала Алиа, и холодок бежал по ее спине. Идти и распадаться в течение жизни ребенка, ею же самой порожденного, постоянно вторгаясь и проникая в сознание, чтобы по крупице приобретать опыт.

Страх украл у нее детство. Страх продолжался и позже, в юности. Алиа отважно сражалась с ним, не зовя никого на помощь. Да и кто смог бы понять, как помочь ей? Уж во вся-

ком случае не мать, которая никогда не могла освободиться от железного диктата Бене Гессерит: предрождение равнозначно приобщению к Мерзости.

Потом наступила та роковая ночь, когда ее брат один ушел в Пустыню искать смерти, предавая себя Шай-Хулуду, как требует того от слепых закон фрименов. Через месяц Алия вышла замуж за оружейника Пауля Дункана Айдахо, чей дух был возрожден из мертвых искусством тлейлаксу. Мать вернулась на Каладан, Алия стала официальным опекуном близнецов Пауля.

Она стала регентшей.

Груз ответственности отодвинул страх на второй план, и она широко распахнула свою душу проходившим сквозь ее душу жизням, спрашивая их совета, погружаясь в транс зелья в поисках указующих видений.

Кризис наступил в ничем не примечательный день месяца Лааб, ясным утром в Убежище Муад'Диб, когда холодный ветер дул с полюса. Алия все еще носила желтый цвет, цвет траура и чистого, непорочного солнца. В последние недели она все больше и больше силилась отделаться от внутреннего голоса матери, которая настаивала на приготовлениях к празднику, центром которого должен был стать храм.

Самосознание Алии стало понемногу ослабевать... В конце концов оно превратилось в безликое требование, понудившее Алию заняться разработкой законодательства Атрейдесов. Внутренние жизни напирали все сильнее, и

каждая из них требовала хотя бы момента в сознании. Алия почувствовала, что под ее ногами разверзается бездонная пропасть, из которой во множестве, словно тучи прожорливой саранчи, поднимались чужие лица. Чтобы не сойти с ума, Алие пришлось сконцентрировать свое внимание на одном из этих лиц, похожем на звериную морду – то был барон Харконнен. В страшной ярости Алия издала бешеный крик, чтобы перекрыть разноголосый гомон, – это на время вернуло ей покой.

В то утро Алия, как обычно, решила прогуляться перед завтраком по саду на крыше Убежища. Чтобы и на этот раз выиграть внутреннюю битву, она сосредоточила все свое знание на напутствии Чоды Дзенсунни:

«Сойдя со ступени лестницы, можно упасть и вверх!»

Однако утренний свет, озарявший утесы Защитного Вала, постоянно отвлекал ее внимание. Отвернувшись от Защитного Вала, Алия уперлась взглядом в траву, покрытую ночной росой. В каплях отражалась сама Алия, словно раздробившаяся на тысячу маленьких зеркал.

От этого множества у Алии закружилась голова. Ей представилось, что каждое отражение несет одно из лиц внутреннего множества.

Алия попыталась подумать о том, что означает роса на траве, как далеко зашла экологическая трансформация Арракиса. Произошло потепление климата этих северных широт; в атмосфере возросло содержание углекислого газа. Она

напомнила себе, сколько гектаров земли будет в этом году засажено деревьями, а ведь каждый зеленый гектар требует для полива тридцать семь тысяч кубических футов воды.

Однако попытки сосредоточиться на мирских заботах были тщетны – перед внутренним взором, словно стая акул, продолжали кружиться эти проклятые другие.

Алия с силой прижала ладонь ко лбу.

На закате предыдущего дня храмовая стража привела к ней на суд заключенного, некого Эссаса Паймона, маленького темного человечка, который для отвода глаз торговал всякой мелочью и предметами религиозного культа в Небриосе. В действительности Паймон был агентом Межпланетного суда чести, в задачу шпиона входил сбор сведений о ежегодном урожае дурмана. Алия уже собиралась отправить его в темницу, но узник начал громко протестовать, крича о несправедливости Атрейдесов. Эта дерзость могла стоить ему смертного приговора через повешение, но Алия была поражена его отвагой. Она сурово заговорила с ним с высоты своего трона, стараясь запугать узника и выведать больше, чем смогли узнать от арестованного дознавателя.

– Почему межгалактическому суду так важно знать, каков урожай зелья? – спросила Алия. – Скажи нам, и мы, может быть, пощадим тебя.

– Я собираю кое-что сам, – ответил Паймон, – ровно столько, сколько требует рынок. Я не знаю, что происходит дальше с моим урожаем.

– И из-за этих жалких грошей ты вмешиваешься в наши королевские планы? – поинтересовалась Алия.

– Но королей никогда не интересует, что у нас тоже могут быть свои планы, – отпарировал узник.

Принцесса была пленена таким мужеством.

– Эссас Паймон, будешь ли ты работать на меня?

Темное лицо заключенного осветилось белозубой усмешкой.

– Вы без малейших колебаний собирались упрятать меня в подземелье. Какие новые ценные качества вы во мне открыли, что предлагаете продать их вам?

– Ты обладаешь простой и практической ценностью – мужеством и отвагой, – ответила Алия, – поэтому я предлагаю тебе самую высокую цену. Я заплачу тебе больше, чем кто-либо другой в Империи.

И тут Эссас оценил свои услуги в такую сумму, что Алия лишь рассмеялась и предложила более разумную плату, добавив, что такие деньги он никогда и ни от кого не получал.

– И, естественно, я кладу на чашу весов твою жизнь, которая для тебя тоже, наверное, представляет большую ценность.

– По рукам! – воскликнул Паймон, и по сигналу Алии его увели к Мастеру Договоров Зиаренко Джавиду.

Час спустя, когда Алия собиралась покинуть Дворец Правосудия, в зал торопливо вошел Джавид и сообщил, что стража подслушала, как Эссас пробормотал строки из като-

лической библии: «*Maleficos non patieris vivere*».

«Ты не должен будешь терпеть живых ведьм» – перевела с латинского Алия. Так вот какова благодарность! Этот мерзавец замыслил покушение на ее жизнь! В приступе ярости, какой Алия не испытывала никогда в жизни, она приказала немедленно казнить Паймона и послать его тело в храм – пусть его вода служит хотя бы священникам!

Всю ночь Алию преследовало во сне темное лицо узника. Она пустила в ход все свои ухищрения, чтобы избавиться от этого преследования, читала наизусть строки *Бу Джи* из Фрименской Книги Креоса: «Ничего не произошло! Ничего не произошло!» Но Паймон мучил ее всю ночь до самого утра этого головокружительного дня; она неотвязно видела его лицо в одной из капель росы.

Женщина-стражница позвала Алию завтракать. Алия вздохнула и пошла к двери, скрытой за низкой живой изгородью из мимозы. Как мал, в сущности, выбор между двумя преисподними: крик стражницы или крик в душе Алии – какие это бессмысленные звуки, подобные шороху песка в часах. У принцессы появилось страстное желание прекратить все мучения ударом ножа.

Не обратив внимания на зов, Алия посмотрела на Защитный Вал. *Бахада* оставил широкую вымоину, которая, словно изломанный веер, покрывала владения принцессы. Перед взором Алии расстилалась песчаная дельта, которую неискушенный взгляд мог бы принять за реку со спокойным и

гладким течением, но в действительности это было то самое место, где ее брат взорвал Стену атомным зарядом Атрейде-сов и на песчаных червях ворвался в город, отняв престол у своего предшественника Шаддама Четвертого. Теперь вдоль стены протекал широкий канал, ставший неодолимой преградой для песчаных червей. Черви боятся соприкосновения с водой – она для них яд.

Хорошо было бы иметь такой барьер в голове, подумала Алия.

От этой мысли усилилось головокружительное чувство отчуждения от реальности.

Песчаные черви! Песчаные черви!

Услужливая память представила целую галерею выдающихся червей: Могущественный Шай-Хулуд, демиург фрименов, смертельно опасный зверь глубин Пустыни, в чьих выделениях содержалось бесценное зелье. Как странно, что это могучее животное выросло из плоской и сухой песчаной форели, подумала Алия. Они, эти форели, подобны множеству роящихся в ее голове образов. Соединившись концом в конец, песчаные форели образовывали вокруг почвы планеты живую цистерну; они несли воду, без которой не мог жить вектор песчаных червей. Здесь была прямая аналогия, которая не укрылась от Алии: некоторые из *других* несли с собой силу, способную убить ее самое.

Стражница снова позвала Алию, на этот раз в голосе женщины слышалось нетерпение.

Алия в гневе обернулась и махнула рукой.

Стражница послушно исчезла, правда, довольно громко хлопнув дверью.

Как только раздался стук двери, Алия снова оказалась во власти всего того, что она с такой страстью хотела отринуть от себя. Чужие жизни хлынули в сознание, как морской прилив. Каждая жизнь стремилась протиснуться в ее сознание – это была целая туча лиц. Некоторые из них были поражены чесоткой, другие – грубые, покрытые черными тенями; виднелись рты, похожие на мокрые губки. Сонмище лиц захлестывало, призывало сдаться и окунуться в этот нескончаемый поток.

– Нет, – неистово зашептала Алия. – Нет... нет... нет...

Она неминуемо бы упала на дорожку, но рядом оказалась скамья, на которую Алия опустилась. Она попыталась сесть, но не смогла и всем телом вытянулась на холодном пластике, по-прежнему шепча слово «нет».

Волна образов продолжала захлестывать ее разум.

Она чувствовала, что ее душа настроена на каждый вопль из этой толпы, которая шумела внутри ее. Это была какофония просьб и требований выслушать или просто обратить внимание: «Я, я! Нет, я!» Алия поняла, что, если она действительно обратит внимание хоть на одного из этих призраков, она погибнет. Надо выделить одно лицо, одно-единственное и удержаться на плаву с помощью эгоцентризма, разделенного с другим человеком, который, в свою очередь,

разделит с ней ее существование.

– Предзнание вытворяет с тобой такие штучки, – прошептал чей-то голос.

Она закрыла уши руками, думая: *«Я не предзнающая! Транс не помогает мне!»*

Но голос продолжал настаивать: *«Он срывается, если ты ему поможешь»*.

– Нет, нет, – шептала Алия.

В ушах ее зазвучали и другие голоса.

– Я, Агамемнон, твой предок, требую аудиенции!

Она с такой силой сжала уши, что живая плоть ответила ей болью.

Чей-то голос, дурацки хихикая, спросил:

– Знаешь, кто получил из Овидия? Нет? Это так просто. Он же вылитый Джон Бартлетт!

В том состоянии, в котором находилась Алия, все имена были лишены какого бы то ни было смысла. Ей хотелось кричать, но в невообразимом гомоне она бы не услышала собственного голоса.

Из дома снова вышла стражница, посланная старшей служанкой, посмотрела поверх живой изгороди, увидела лежащую Алию и громко сказала:

– А, так она отдыхает. И то правда, она так плохо спала прошлой ночью. Заха, утренняя сиеста будет ей очень полезна.

Алия не слышала стражницу. В ее мозгу, отдаваясь под

сводом черепа, зазвучала развеселая песня: «Мы старые шальные птички, ура!» *Я схожу с ума*, подумала Алия. *Я теряю разум.*

Ноги Алии судорожно дернулись, ступни стукнулись о скамью. О, если бы она могла владеть своим телом, то тотчас бы бросилась бежать куда глаза глядят. Надо бежать, иначе эти голоса настолько овладеют ее душой, что она навсегда ее потеряет. Но мышцы не повиновались Алии. Ей, которая движением бровей могла ниспровергнуть Империю, не повиновалось собственное тело!

В голове Алии усмехнулся чей-то голос:

– Существует точка зрения, детка, согласно которой каждый случай нового творения является катастрофой. – Басистый голос рокотал прямо за глазницами, усмешка словно издевалась над священническими интонациями собственного голоса. – Милое дитя, я помогу тебе, но и ты должна будешь помочь мне.

Звук голоса едва не потерялся на фоне жужжащего гомона толпы. Стуча зубами, Алия с трудом выдавила из себя:

– Кто... кто?..

В сознании возникло лицо. Лицо улыбалось и было таким жирным, что его можно было бы принять за младенческое, если бы не горящие вожелением глаза. Алия подалась назад, но достигла только того, что в поле ее зрения попало тело – огромное, жирное тело, одетое в просторную одежду, из-под которой выступали портативные суспензории, под-

держивавшие невероятные складки жира.

– Видишь ли, – снова зарокотал бас, – это твой дед по материнской линии. Ты меня знаешь. Я – барон Владимир Харконнен.

– Но... ты же давно умер, – едва не задохнулась Алиа.

– Ну конечно же, моя дорогая! Большинство из тех, кто осаждают тебя сейчас, тоже давным-давно мертвы. Но никто из них не хочет и не может тебе помочь. Они тебя просто не понимают.

– Уходи, – умоляюще произнесла Алиа. – О, прошу тебя, уходи.

– Но тебе нужна помощь, внучка, – не согласился барон.

Как поразительно он выглядит, прикрыв веки и разглядывая огромную фигуру, подумала Алиа.

– Я прямо-таки жажду помочь тебе, – льстиво увещевал барон. – Другие дерутся между собой, чтобы завладеть твоей душой целиком. Каждый хочет управлять тобой. Но я... Я хочу занять в твоей душе только маленький уголок.

Другие жизни в сознании Алии снова подняли гвалт. Прилив снова начал захлестывать Алию, когда она вдруг услышала голос матери. *Ведь она жива,* подумалось принцессе.

– Молчать! – скомандовал барон.

Собственное желание Алии усилило команду, громко прозвучав под сводами сознания.

Наступившая тишина омыла Алию словно холодной водой. Женщина почувствовала, как начинает замедляться ее

пульс. Раздался успокоительный голос барона:

– Ну что? Вместе мы непобедимы. Ты помогаешь мне, а я помогаю тебе.

– Что... что ты от меня хочешь взамен? – прошептала Алия.

Жирное фатоватое лицо стало грустным.

– Ах, моя дорогая внучка, – сказал он. – Я хочу всего-на-всего несколько простых удовольствий. Позволь мне хотя бы немного прикоснуться к твоим чувствам. Никто об этом не узнает. Пусть я почувствую хотя бы маленький уголок этих чувств, например, когда ты с любовником. Разве это не малая цена?

– Д-да.

– Ну вот и хорошо, – удовлетворенно хрюкнул барон. – Взамен я могу очень многое для тебя сделать. Я могу давать тебе советы, помогать тебе рекомендациями. Ты будешь непобедима внутри и снаружи. Ты сметешь со своего пути всякую оппозицию. История забудет твоего брата и восславит тебя. Тебя ожидает великое будущее.

– Ты... не позволишь... другим одержать верх?

– Они не устоят против нас! Поодиночке они нас раздают, но вместе мы им покажем. Сейчас я продемонстрирую. Слушай.

Барон замолчал, исчез и его образ. Ни одной памяти, ни одного образа, ни одного голоса не появилось в сознании.

Дрожа всем телом, Алия с облегчением вздохнула.

Вместе со вздохом явилась мысль. Она как будто была ее собственной, но позади нее слышались тихие голоса.

Старый барон был воплощением зла. Он убил твоего отца. Он убил бы и тебя с Паулем. Барон пытался это сделать, но у него ничего не вышло.

Раздался голос барона, хотя его лица не было видно.

– Конечно, я бы убил тебя. Разве ты не стояла на моем пути? Но этот спор кончился. Ты победила, дитя мое. Теперь ты – новая истина.

Алия кивнула, слегка поцарапав при этом движении щеку о шероховатую скамейку.

В его словах есть рациональное зерно, подумала женщина. Старое предписание Бене Гессерит вполне согласовывалось со словами барона: «Цель спора – изменить природу истины».

Да... именно так Бене Гессерит истолковал бы слова барона.

– Точно! – воскликнул барон. – Кроме того, я мертв, а ты жива. Мое существование очень хрупко. Я лишь суть памяти внутри тебя. Я полностью подчинен тебе и прошу лишь крошечную мзду за те глубокие советы, которые могу дать тебе.

– Что бы ты посоветовал мне сейчас? – спросила Алия.

– Ты очень обеспокоена приговором, который вынесла вчера, – ответил барон. – Ты сомневаешься в том, что слова Паймона были верно переданы тебе. Возможно, Джавид увидел, что Паймон угрожает прочности его позиций при твоей

особе. Разве не это сомнение терзает тебя?

– Д-да.

– Твое сомнение основано на точном наблюдении, не так ли? Джавид проявляет все больше интимности в отношении тебя. Это заметил даже Дункан, не правда ли?

– Ты же знаешь, что правда.

– Так вот и возьми Джавида в любовники и...

– Нет!

– Ты беспокоишься о Дункане? Но твой муж – духовный мистик. Его не тронут действия плоти, они не принесут ему ни малейшего вреда. Разве ты иногда не чувствуешь, как он далек от тебя?

– Н-но он...

– Духовная часть Дункана поймет, надо ли ему знать о том инструменте, с помощью которого был устранен Джавид.

– Устра...

– Ну конечно! Опасные инструменты надо использовать, но потом их выбрасывают, чтобы они не стали слишком опасными.

– Тогда... почему... я хочу сказать...

– Ах ты, тупица! В этом уроке содержится большая ценность.

– Не понимаю.

– Ценности, моя дорогая внучка, принимаются в зависимости от их успеха. Преданность Джавида должна быть безусловной, его восприятие твоей власти – абсолютным, а

его...

– Мораль этого урока переходит...

– Не будь такой тупой, внучка! Мораль должна всегда основываться на практичности. Вспомни о Цезаре и прочих. Победа бесполезна, если она не приносит исполнения сокровенных желаний. Разве тебя не привлекает мужественность Джавида?

Алия едва не задохнулась – настолько была ненавистна сама мысль сделать это признание, к которому ее принудила полная обнаженность перед внутренним наблюдателем.

– Д-да.

– Очень хорошо! – фраза прозвучала в мозгу женщины очень игриво. – Вот теперь мы начинаем понимать друг друга. Когда он станет беспомощным, лежа в твоей постели, убежденный в том, что ты его рабыня, заведи шуточный разговор и спроси его о Паймоне. При этом больше смейся. Когда же он признается в обмане, возьми нож и воткни его между ребер Джавида. Поток крови может многое добавить к удовлет...

– Нет, – горячо зашептала Алия. Во рту у нее пересохло от ужаса. – Нет... нет... нет...

– Тогда я сам сделаю это за тебя, – не сдавался барон. – Это надо сделать, ты сама это признаешь. Если ты все устроишь, то я предлагаю временное помутнение...

– Нет!

– Твой страх так прозрачен, внучка. Мое управление тво-

ими чувствами может быть лишь временным. Есть и другие, которые могут имитировать то совершенство, с которым... Но ты и сама все знаешь. Со мной люди сразу догадываются о моем присутствии. Ты знаешь, что делает Закон фрименов с такими одержимыми. Они подлежат казни. Да – даже ты, но я не хочу, чтобы это произошло. Я сам позабочусь о Джавиде, а когда все будет кончено, отойду в сторону. Тебе надо только...

– Это будет еще один добрый совет?

– Он избавляет тебя от опасного инструмента. И, детка, он устанавливает рабочие отношения между нами, отношения, которые научат тебя правильно судить в будущем, что...

– Научат меня?

– Естественно!

Алия прижала пальцы к глазам и стала думать, прекрасно отдавая себе отчет в том, что каждая ее мысль становится достоянием присутствующего в ней барона, а порожденные им мысли могут восприниматься ею как ее собственные.

– Зря ты так волнуешься, – лстиво проговорил барон. – Этот Паймон уже...

– То, что я сделала, было несправедливо! Я была утомлена, а надо было найти доказательства...

– Ты поступила совершенно правильно! Твой суд не может основываться на такой глупой абстракции, как Атрейде-сово понятие о равенстве. Именно оно заставило тебя ворочаться всю ночь, а не смерть Паймона. Ты приняла правиль-

ное, хорошее решение! Он был еще одним опасным инструментом, а ты действовала в интересах сохранения порядка в вверенном тебе обществе. Вот достойное основание суда, а не эта бессмысленная *справедливость*. Нигде в мире нет равной для всех справедливости. Любое общество рухнет, если попытаться проводить в нем идею всеобщего равенства.

Алия почувствовала удовольствие от похвалы в адрес своего приговора, но испытала потрясение от аморальности аргументов.

– Равенство Атрейдесов... было... – она отняла ладони от глаз, но веки остались прикрытыми.

– Все твои духовные судьи должны знать об этой ошибке, – продолжал поучать барон. – Решения должны быть взвешенными в том, что касается их пользы в достижении упорядоченного общества. Цивилизации прошлого в огромном количестве терпели крушение, именно наталкиваясь на скалу равной справедливости. Эта глупость уничтожает естественную иерархию, которая гораздо более важна. Любой индивид имеет значение только в свете своего отношения к твоему тотальному обществу. Пока общество не упорядочено в логической последовательности, в нем никто не может найти себе места – ни низшие, ни высшие. Да, да, внушенька! Ты должна быть суровой матерью своему народу. Твоя обязанность – хранить порядок.

– Все, что делал Пауль...

– Твой брат умер неудачником.

– Но о тебе можно сказать то же самое!

– Верно... но со мной произошел несчастный случай, который я не мог предусмотреть. Ладно, давай теперь займемся Джавидом, как я тебе говорил.

Она почувствовала, как против ее воли тело наливается приятным теплом. Она подумала: *Если это будет сделано, то только для того, чтобы поставить Джавида на место. Нет нужды убивать его. Дурак все расскажет и так... в моей постели.*

– С кем вы разговариваете, госпожа? – спросил женский голос.

В какой-то момент ошеломленная Алия подумала, что это один из ее внутренних голосов, но потом поняла, что это не так, и открыла глаза. Начальница амазонской гвардии Зияренка Валефор стояла возле скамьи и, озабоченно нахмурившись, смотрела на свою повелительницу.

– Я говорила со своими внутренними голосами, – сказала Алия и села. Она чувствовала себя отдохнувшей после того, как какофония внутренних голосов наконец смолкла.

– С внутренними голосами, о, я поняла госпожа, – глаза Зияренки блеснули уважением. Все знали, что Святая Алия пользуется для совета внутренними источниками, недоступными другим смертным.

– Приведи Джавида в мои апартаменты, – приказала Алия. – Мне надо обсудить с ним один очень важный вопрос.

– В ваши апартаменты, моя госпожа?

– Да, в мои личные покои.

– Как прикажете, госпожа, – амазонка отправилась выполнять приказ.

– Одну минуту, – окликнула ее Алия. – Мастер Айдахо уже уехал в сиегч Табр?

– Да, госпожа. Он уехал еще до рассвета, как вы и велели. Вы хотите, чтобы я послала...

– Нет, Зия, этим я займусь сама. Кроме того, никто не должен знать, что Джавид у меня. Приведешь его сама. Это очень серьезное дело.

Амазонка положила ладонь на рукоятку кинжала.

– Госпожа, если существует угроза...

– Да, угроза существует, и сердцем ее является сам Джавид.

– О, моя госпожа, может быть, не следует приводить...

– Зия, не думаешь ли ты, что я не способна самостоятельно справиться с этим человеком?

На губах амазонки заиграла улыбка волчицы.

– Простите меня, госпожа. Я сейчас приведу Джавида в ваши личные покои, но... Госпожа, с вашего разрешения, я поставлю стражу у дверей.

– У дверей будешь только ты.

– Слушаю и повинуюсь, госпожа. Я иду.

Алия мысленно кивнула себе, глядя, как Зияренка задом пятится к дверям. Охрана Алиии не любила Джавида. Это еще один балл ему в минус. Однако он очень ценен, очень. У него

ключ к Якуруту, а это то самое место...

– Наверно, вы были правы, барон, – прошептала женщина.

– Ты сама увидишь! – хрюкнул знакомый голос. – Ах, какое удовольствие будет служить тебе, дитя мое, а ведь это только начало...

Истории народов пронизаны иллюзиями, которые активно поддерживают господствующие религии: злые люди никогда не процветают; только храбрые заслуживают награды; честность – лучшая политика; действия весомее слов; добродетель всегда побеждает; доброе деяние заключает награду в себе самом; плохого человека можно исправить; религиозные талисманы защищают от одержимости демонами; только мужчины понимают значение древних таинств; богатые обречены на несчастье...

(Сборник инструкций, «Missionaria protectiva»¹)

– Меня зовут Мюриз, – отрекомендовался сухощавый фримен.

Он сидел на ноздреватом камне в пещере, освещавшейся трепещущим светом фитильной лампы, выхватывавшим из темноты влажные стены и черные провалы дыр, служивших входом в пещеру. От одного из таких лазов доносились равномерные удары капающей с потолка воды. Эта капель, которую можно было принять за ипостась нынешнего фрименского рая, не вызывала ни малейшего восторга у шестерых связанных мужчин, смотревших на Мюриза. В помещении висел неистребимый запах плесени и смерти.

¹ «Защита миссионеров» (лат.). – Примеч. пер.

В отверстии входа появился подросток приблизительно четырнадцати стандартных лет от роду, вошел в помещение и встал по левую руку от Мюриза. На ноже сверкнул желтый блик лампы, когда мальчик указал кончиком лезвия на каждого из шести связанных.

Указав рукой на подростка, Мюриз сказал:

– Это мой сын, Ассан Тарик, он готов пройти испытание мужества.

Мюриз откашлялся и осмотрел шестерых пленников. Они сидели на камнях большим полукругом вокруг хозяина, надежно связанные канатами, прочно схватывавшими лодыжки. Руки были связаны за спиной. На концах веревок были петли, накинутые на шеи узников. Защитные костюмы были разрезаны на горле.

Мужчины не отвели взглядов, когда Мюриз посмотрел на них. На двоих пленниках были свободные одежды городских жителей Арракина; кожа их была светлее, чем у их товарищей по несчастью, чьи грубые черты и широкая кость изобличали в них истинных сынов Пустыни.

Мюриз и сам был похож на них, но его глаза были посажены настолько глубоко, что в них даже не отражался тусклый свет фитильной лампы. Сын был неоформившейся копией отца – на его по-детски плоском лице отражалось кипение бушевавших его чувств.

– У нас, Отверженных, существует особый ритуал посвящения в мужчины, – сказал Мюриз. – Настанет день, когда

мой сын примет должность судьи в Шулохе. Мы должны убедиться в том, что он способен исполнять свой долг. Наши судьи не имеют права забывать Якуруту и день нашего отчаяния. Крализек, Тайфуноборец, вечно жив в наших сердцах.

Все это было произнесено ровным, ритуальным тоном.

– Ты поступаешь несправедливо, угрожая нам и связав, как пленников. Мы мирно направлялись на *умму*, – сказал один из городских жителей.

Мюриз согласно кивнул.

– Вы шли туда в поисках личного религиозного пробуждения? Вот и хорошо. Вы переживете такое пробуждение.

– Если мы... – начал было пленник, но его перебил другой фримен – уроженец Пустыни:

– Молчи, глупец! Это же похитители воды. Мы думали, что уничтожили эту нечисть.

– Это старая история, – промолвил в ответ городской.

– Якуруту – это больше чем просто история. – Мюриз кивнул в сторону сына. – Я только что представил вам Ассана Тарика. Я – *арифа* – единственный здесь судья, и мой сын тоже научится распознавать демонов. Старые способы всегда лучше новых.

– Именно поэтому мы попали в глубину Пустыни, – запротестовал городской житель. – Мы избрали древний способ и путешествовали с...

– С наемными проводниками, – перебил его Мюриз, указывая рукой на темнокожих пленников. Он снизу вверх

взглянул на сына. – Вы хотели купить путь на небо? Ассан, ты готов?

– Я много думал о той ночи, когда пришли те люди и начали убивать наш народ, – сказал Ассан. В голосе его звучало невероятное напряжение. – Они должны отдать нам воду.

– Твой отец дает тебе шестерых из них, – произнес Мюриз. – Их вода отныне принадлежит нам. Их тени – твои; твои хранители – отныне и навсегда. Их тени предупредят тебя о появлении демонов. Они станут твоими рабами, когда ты перейдешь в *Алам аль-Митхаль*. Что скажешь, сын мой?

– Благодарю тебя, отец, – сказал Ассан и выступил вперед. – Я принимаю звание мужчины среди Отверженных. Эта вода – наша вода.

Произнеся формулу, юноша пересек пещеру и приблизился к пленникам. Начав с крайнего левого, он хватал узника за волосы и вонзал кинжал под подбородок, доставая до мозга, проливая при этом очень мало крови. Только один из пленников – городской житель – жалобно кричал при этом. Остальные встретили смерть мужественно, произнеся перед ударом ритуальную фразу: «Смотри, как мало ценю я свою воду, когда ее забирает животное!»

Когда все было кончено, Мюриз хлопнул в ладоши. Вошедшие слуги унесли тела в покои мертвых, где они смогут питаться своей водой.

Мюриз встал и посмотрел на сына, который, тяжело дыша, смотрел, как слуги выносят трупы казненных.

– Теперь ты мужчина, – сказал Мюриз. – Вода наших врагов будет питать рабов. Да, вот что еще, сын мой...

Ассан Тарик с готовностью обернулся и бросил взгляд на отца. На лице юноши появилась натянутая улыбка.

– Проповедник не должен знать об этом, – сказал Мюриз.

– Понимаю, отец.

– Ты хорошо это сделал. Те, кто становится на пути Шулоха, не должны жить.

– Все по твоему слову, отец.

– Тебе можно доверить важные дела, – промолвил Мюриз, – и я горжусь тобой.

Самый сложно устроенный человек может стать примитивным. В реальности это означает, что может измениться образ жизни этого человека. Старые ценности теряют свою силу, снижаясь до уровня окружающих растений и животных. Новое существование требует рабочих знаний о том, как функционирует все это сложное переплетенное множество – то, что именуется словом природа. Оно же требует уважения внутренней силы этой природной системы. Человек, приобретший такие рабочие знания с уважением, и называется примитивным. Конечно, верно и обратное – примитивный человек может стать сложным, но это сопровождается катастрофической психологической ломкой.
(«Комментарии Лето», Харк аль-Ада)

– Как мы можем быть столь уверены? – спросила Ганима. – Ведь это очень опасно.

– Но мы же все проверили, – возразил Лето.

– На этот раз все может быть по-другому. Что, если...

– Перед нами открыт только этот путь, – сказал Лето. – Согласись, что мы не можем пойти путем приема зелья.

Ганима в ответ только вздохнула. Ей не нравилась эта словесная пикировка, но она понимала, какая нужда давит на брата. Знала она и страшный источник собственного непри-

ятия. Достаточно было одного взгляда на Алию, чтобы понять всю опасность внутреннего мира.

– Ну что? – спросил Лето.

Ганима снова вздохнула.

Скрестив ноги, брат и сестра сидели в одном из своих потайных мест возле узкой расселины в скале, с которой отец и мать часто любовались заходом солнца в *бледе*. После ужина прошло два часа – предполагалось, что в это время близнецы занимаются телесными и духовными упражнениями. Сегодня брат и сестра решили поупражнять гибкость ума.

– Я попробую сделать это один, если ты откажешься помогать мне, – сказал Лето.

Ганима отвернулась и принялась с преувеличенным вниманием рассматривать влажную перегородку расселины. Лето вперил взор в Пустыню.

Они говорили на языке столь древнем, что даже название его стерлось из памяти поколений. Язык придал их общению ту интимность, в которую не смог бы проникнуть ни один посторонний. Даже Алия, которая сумела каким-то образом избежать ловушек внутреннего мира, смогла бы понять в этом языке всего лишь несколько слов.

Лето вдохнул воздух, напоенный душным запахом фрименского пещерного сietetча, который существовал некогда в этом природном алькове. Гомон сietetча и влажная жара его уже давно исчезли, и брат с сестрой чувствовали от этого большое облегчение.

– Я согласна, что нам нужно руководство, – сказала Ганима. – Но если мы...

– Гани, нам нужно нечто большее, чем руководство, нам нужна защита.

– Возможно, такой защиты просто не существует, – сестра взглянула брату в глаза, блестящие хищным блеском. Глаза были полным контрастом безмятежным чертам спокойного лица.

– Нам надо любым способом избежать одержимости, – сказал Лето, при этом он использовал инфинитив древнего языка, форму строго нейтральную в залоге и времени, но очень активную в усилении значения.

Ганима верно истолковала слова брата.

– Мох'пвиум д'ми хиш паш мох'м ка, – ответила она. *Вместилище моей души есть вместилище тысячи душ.*

– И даже больше, – возразил Лето.

– Зная об опасности, можешь ей противостоять, – это было утверждение, а не вопрос.

– Вабун'к вабунат! – сказал он. *Поднимаясь, ты поднимаешься!*

Лето чувствовал, что его выбор является очевидной необходимостью. Если уж делать это, то делать активно. Надо допустить прошлое в настоящее и направить его в будущее.

– Муриат, – тихо произнесла Ганима. *Это должно быть сделано с любовью.*

– Конечно, – в знак согласия Лето взмахнул рукой. – Мы

посоветуемся, как наши родители.

Ганима молчала, стараясь справиться с комом в горле. Повинуясь неясному инстинкту, она смотрела на юг, на сероватые силуэты дюн, готовые раствориться в вечерних закатных сумерках. Именно туда ушел отец на свою последнюю прогулку.

Лето смотрел со скалы вниз на зеленый оазис сиегва. Теперь, в сумерках, все было серым, но мальчик знал форму и цвета оазиса: медно-красные, золотистые, красные, желтые и рыжие окаймляли скалы по границе зеленых насаждений. За границей скал широким поясом раскинулись разлагающиеся остатки жизни Арракина, убитой привезенными неведомо откуда растениями и избытком воды. Теперь этот пояс был границей Пустыни.

Ганима заговорила:

– Я готова, мы можем начинать.

– Да, будь все проклято! – Он шагнул вперед, коснулся руки сестры, чтобы смягчить грубость. – Пожалуйста, Гани, спой песню. Мне будет легче.

Ганима подошла к брату, обняла его левой рукой за пояс, глубоко вдохнула и прочистила горло. Ясным и звонким голосом она запела песню, которую мать часто пела отцу:

Я отплачу тебе за тот подарок, что ты мне дал;

Я окроплю тебя сладкой водой.

Воцарится жизнь в этом тихом месте:

Любовь моя, ты будешь жить во дворце,

Враги твои обратятся в ничто.
Мы пройдем вместе тот путь,
Что проторила для нас любовь.
Я укажу тебе верный путь,
Ведь тот дворец – моя любовь к тебе...

Тишина Пустыни, в которой даже шепот казался криком, чистый голос Ганимы возымели магическое действие на Лето – мальчику показалось, что он погружается в неведомые глубины, становясь своим отцом, чья память расстилала перед его взором ковер прошлого бытия.

На краткий миг я должен стать Паулем, сказал себе Лето. Рядом со мной не Гани; это моя возлюбленная Чани, чьи мудрые советы не раз спасали нас обоих.

Ганима, со своей стороны, с пугающей легкостью приняла маску своей матери. Женщинам такое перевоплощение дается легче, чем мужчинам, но таит гораздо большую опасность.

В голосе Ганимы появилась ласковая хрипотца.
– Посмотри туда, любимый!

Первая луна заливала Пустыню призрачным светом, а по небу протянулся оранжевый огненный шлейф. Корабль, доставивший на Арракис госпожу Джессику, улетал к далеким созвездиям с грузом дурманящей приправы.

Ранящее душу воспоминание пронзило сердце мальчика, ласковыми колокольчиками зазвучало в его голове. В какое-то мгновение Лето почувствовал себя герцогом Джесси-

ки. В груди заныло от любви и боли.

Я должен быть Паулем, напомнил он себе.

Трансформация обрушилась на Лето своей пугающей двойственностью. Было похоже, что он превратился в темный экран, на который был спроецирован образ отца. Мальчик одновременно чувствовал свою и отцовскую плоть – этот дуализм грозил раздавить.

– Помоги мне, отец, – прошептал Лето.

По изображению прошла мимолетная рябь, и вот уже в сознании Лето возникло другое впечатление, при этом его собственное «я» стояло в стороне, наблюдая за происходящим.

– Мое последнее видение еще не прошло, – сказал Лето голосом Пауля и повернулся к Ганиме. – Ты знаешь, что я видел в последний раз?

Ганима коснулась рукой его щеки.

– Ты пошел в Пустыню умирать, любимый? Ты это сделал?

– Может быть, я действительно пошел умирать, но то видение... Разве это не было достаточным основанием для того, чтобы остаться жить?

– Даже слепым?

– Даже слепым.

– Куда ты мог уйти?

Отец судорожно вздохнул.

– В Якуту.

– Мой возлюбленный, – слезы заструились по щекам Ганимы.

– Муад’Диб, герой, должен быть низвержен, иначе это дитя не сможет вырвать нас из хаоса.

– Золотой Путь, – сказала Ганима. – Это нехорошее видение.

– Это единственно возможное видение.

– Алия потерпела неудачу тогда...

– Совершеннейшую. Ты же видела запись.

– Твоя мать вернулась слишком поздно, – на детском личике девочки появилось мудрое выражение Чани. – Но не может ли быть другого видения? Возможно, если...

– Нет, любимая, это дитя не может прозреть будущее, а потом в целости и сохранности вернуться обратно.

Тело отца снова потряс глубокий судорожный вздох, и Лето почувствовал страстное желание отца прожить во плоти еще одну жизнь, опять принимать живые решения и... Сколь отчаянна нужда исправить прошлые ошибки!

– Отец! – позвал Лето, и зов эхом отдался под сводом его черепа.

Это был глубинный волевой акт, в ходе которого мальчик почувствовал медленное, тягучее освобождение от внутреннего присутствия отца, исчезновение ощущений и расслабление мышц.

– Любимый, – прошептал позади голос Чани, и отец остановился. – Что случилось?

– Постой, не уходи, – умоляюще произнес Лето своим немного охрипшим голосом. – Чани, ты должна сказать нам, как избежать того, что случилось с Алией.

Ответил на этот вопрос Пауль. Он говорил с трудом, делая длинные паузы.

– В этом нет определенности. Вы... видели то... что почти... произошло... со мной.

– Но Алия...

– Ею овладел проклятый барон!

От волнения у Лето пересохло в горле.

– Он... я...

– Он есть в тебе... но... я... мы не можем... иногда мы чувствуем... друг друга, но ты...

– Ты не можешь читать мои мысли? – спросил Лето. – Ты будешь знать, если... он...

– Иногда я способен чувствовать твои мысли... но я... мы живем только в вашем сознании, мы существуем только... посредством его отражения... Нас создает ваша память. Это опасно... память слишком точна. И те из нас... те из нас, кто любил власть... кто добивался ее... любой ценой... у того память более точна.

– Она сильнее? – прошептал Лето.

– Сильнее.

– Я знаю твое видение, – сказал Лето. – Слишком хорошо, чтобы дать ему завладеть мною. Я стану тобой.

– Только не это!

Лето кивнул сам себе, ощущая то грандиозное усилие, с которым отец старался удалиться из его памяти, понимая все тяжкие последствия неудачи. Любая одержимость приближала одержимого к Мерзости. Узнавание придавало такому человеку обновленное чувство силы, он начинал с особой остротой ощущать свое тело и проникал в глубокое осознание прошлых ошибок, совершенных самим собой и предками. Было в таком видении и нечто неопределенное, что ослабляло способность чувствовать – и сейчас Лето убедился в этом. В какой-то момент искушение в нем вступило в схватку со страхом. Плоть обладает способностью превращать меланжу в видение будущего. Приняв зелье, можно дышать будущим и срывать покровы с Времени. Лето охватил соблазн, которому было трудно противостоять, он сцепил руки и погрузился в состояние прана-бинду. Плоть отрицала искушение. Плоть несла в себе глубокое знание, унаследованное от Пауля. Те, кто хочет прозреть будущее, подобно мелким игрокам, надеются сорвать легкий куш на завтрашних скачках. Вместо этого они оказываются пожизненными пленниками, знающими наперед каждый удар своего сердца и все свои муки... Последнее видение Пауля указывало достойный выход из этой ловушки, и Лето знал, что теперь у него нет иного выхода – он должен следовать тем же путем.

– Радость жизни и ее красота связаны с тем фактом, что жизнь способна удивлять, – сказал он.

Возле уха Лето раздался тихий голос:

– Я всегда знала эту красоту.

Обернувшись, мальчик всмотрелся в глаза сестры, блеснувшие в лунном свете. Это смотрела на него Чани.

– Мама, ты должна уйти.

– Ах, какое искушение! – произнесла она и поцеловала его.

Он оттолкнул ее.

– Ты примешь жизнь своей дочери?

– Это так легко... это до глупости легко, – ответила она.

Лето, чувствуя, как его начинает охватывать паника, вспомнил, с каким трудом образ отца покидал его плоть. Неужели Ганима потерялась в том мире наблюдателей, откуда и он смотрел и слушал, учась у образа отца?

– Я буду презирать тебя, мама, – сказал он.

– Другие не будут меня презирать, – ответила она. – Будь моим возлюбленным.

– Если я это сделаю... ты знаешь, во что вы оба тогда превратитесь, – сказал он. – Мой отец начнет презирать тебя.

– Он не начнет.

– Но я начну!

Из горла Лето непроизвольно вырвался резкий звук. В этом звуке сплелись все обертоны, унаследованные Паулем от матери-колдуньи.

– Не говори так, – простонала она.

– Я буду тебя презирать.

– Пожалуйста... прошу тебя, не говори так.

Лето потер шею, ощутив, что снова обрел власть над своими мышцами.

– Он будет презирать тебя. Он снова отвернется от тебя и уйдет в Пустыню.

– Нет... нет...

В отчаянии она беспрерывно из стороны в сторону качала головой.

– Ты должна уйти, мама, – твердо произнес Лето.

– Нет... нет... – однако в голосе не было уже былой силы и убежденности.

Лето всмотрелся в лицо сестры – как подергиваются его мышцы! Плоть отражала страсти, бушующие в душе.

– Уходи, – прошептал он. – Уходи.

– Не-е-ет...

Лето схватил ее за руку, ощутил дрожь, сотрясавшую тело сестры. Она извивалась всем телом, стараясь вырваться, но он крепко удерживал ее, шепча: «Уходи, уходи».

Все последнее время Лето ругал себя за то, что вовлек Гани в *игру в родителей*. Они часто занимались этим, но в последнее время Ганима начала сопротивляться. Верно, что женщины слабее мужчин при вторжении в их внутренний мир, понял он. Именно на этом основаны страхи сестер Бене Гессерит.

Шли часы, но тело Ганимы продолжало дрожать и дергаться, сотрясаемое внутренней битвой, однако она окрепла настолько, что смогла вступить в спор. Лето услышал, как

Ганима разговаривает с образом в своем сознании.

– Мама... пожалуйста... – И снова: – Ты же видела Алию! Ты станешь такой же?

Наконец Ганима немного обмякла и приникла к брату.

– Она поняла и уходит.

Лето погладил сестру по руке.

– Гани, я очень виноват перед тобой, очень виноват. Я никогда больше не буду просить тебя о таких вещах, прости меня, прости.

– Мне нечего тебе прощать, – сказала она, ее голос прерывался, как после тяжелой физической нагрузки. – Мы научились очень нужным вещам.

– Она многое сказала тебе, – проговорил Лето. – Мы обсудим это потом.

– Нет. Мы сделаем это сейчас. Ты был прав.

– Мой Золотой Путь?

– Твой проклятый Золотой Путь!

– Логика бесполезна, если ее не подкрепить конкретными данными, – сказал он. – Но я...

– Бабушка приехала, чтобы проследить за нашим образованием и посмотреть, не заражены ли мы.

– То же самое говорит и Дункан. Нет ничего нового в...

– ...простых вычислениях, – согласилась Ганима; голос ее окреп, она отстранилась от брата и оглядела освещенную предрассветными сумерками Пустыню. Эта внутренняя битва... эти знания стоили им ночи. Королевским гвардейцам,

патрулирующим ограду, придется сегодня объясняться с начальством. Ничего, Лето побеспокоится, чтобы у них не было неприятностей.

– Тонкости люди чаще всего постигают только с возрастом, – сказал Лето. – Но чему обучаемся мы с помощью возраста тех, кто является нам в образах памяти?

– Вселенная, которую мы наблюдаем, это не застывшая в своем физическом облике Вселенная, – отозвалась Ганима. – Мы не должны воспринимать бабушку как бабушку вообще.

– Это было бы опасно, – согласился брат. – Но мой вопр...

– Есть и еще кое-что, кроме восприятия тонкостей, – продолжала Ганима. – В нашем сознании должно остаться место, где мы должны хранить то, что не можем предвидеть. Вот почему мать так много сказала мне о Джессике. В последние минуты, когда мы были в полном контакте, она очень многое мне сказала.

Ганима тяжело вздохнула.

– Мы знаем, что она наша бабушка, – заговорил Лето. – Вчера ты провела с ней несколько часов. Именно поэтому...

– Если мы допустим это, наше *знание* будет определять наше к ней отношение, – сказала Ганима. – Именно об этом предупредила меня мама. Один раз она процитировала бабушку и... – Ганима прикоснулась к руке Лето, – и я, словно эхо, слышала где-то на заднем плане голос бабушки.

– Предупредила тебя, – промолвил Лето. – Неужели в этом мире не на что положиться?

– Самые смертельные ошибки проистекают из устаревших допущений, – сказала Ганима. – Вот что не уставала повторять мама.

– Но это же Бене Гессерит чистой воды.

– Если... Если Джессика снова вернулась в Общину Сестер...

– ...то для нас в этом заключается главная опасность, – закончил Лето мысль сестры. – В нас течет кровь Квисатц Хадераха – мужской ипостаси Бене Гессерит.

– Они не оставят своих поисков, – сказала Ганима, – но они могут оставить нас. Они нас покинут, и инструментом послужит бабушка.

– Но это совсем другой путь, – возразил Лето.

– Да, они могут соединить нас, как супругов, но они не могут не знать, что такое спаривание приведет к рецессивным осложнениям.

– Эту возможность они даже не должны обсуждать.

– Особенно с бабушкой. Мне очень не нравится такой выход.

– Мне тоже.

– Однако не впервые королевскую родословную пытаются подправить...

– На меня такое решение действует отталкивающе, – содрогнувшись, произнес Лето.

Уловив это движение, она замолчала.

– Сила, – произнес он.

Брат и сестра были настолько сильно охвачены одними и теми же мыслями и чувствами, что Ганима тотчас поняла, о чем думал Лето.

– Сила Квисатц Хадераха потерпит фиаско, – согласилась с братом девочка.

– Если ее использовать таким образом, – сказал он.

В этот момент за спинами детей взошло солнце – день вступил в свои права, дохнув на Лето и Ганиму зноем. Растения под скалами обрели цвет. Серо-зеленые остроконечные листья отбрасывали длинные тени в лучах взошедшего солнца. Косой серебристый свет окрасил оазис у подножия утеса зеленью, перемежающейся золотистыми и пурпурными тенями.

Лето встал и потянулся.

– Итак, Золотой Путь. – Ганима обращалась в равной степени к себе и к брату, зная, как преломилось последнее видение отца в сознании Лето.

За увлажняющими занавесями послышался шорох и голоса.

Лето перешел на древний язык, который служил брату и сестре для тайного общения.

– Л’ии ховр самис см’кви овр самит сут.

Именно таким было решение, которое они приняли с полным сознанием того, что совершают. В дословном переводе это означало: *Мы пойдем вместе по смертному пути, хотя только один, вероятно, сможет вернуться, чтобы расска-*

затя о нем.

Ганима тоже встала, и они направились в сиеч. Придворные стражи при виде приближающихся королевских близнецов поднимались и падали ниц. Брат и сестра проследовали в свои покои. Толпа расступалась перед ними, люди обменивались многозначительными взглядами со стражниками. Проводить ночи в уединении скал над Пустыней было древним обычаем святых фрименов. Все, исповедующие Умму, практиковали такие бдения. Этим занимались Пауль Муад'Диб и... Алиа. Теперь настала очередь королевских близнецов.

Лето первым заметил изменившееся поведение толпы и сказал об этом Ганиме.

– Они не знают, что мы решили для них, – произнесла девочка. – Они действительно этого не знают.

– Чтобы знать, нужны благоприятные обстоятельства, – сказал Лето, по-прежнему пользуясь древним тайным языком.

Ганима некоторое время молчала, формулируя свою мысль.

– Будущий траур по брату или сестре должен быть вполне реален – следует даже возвести надгробие. Сердце должно спать до тех пор, пока его не разбудят.

На древнем языке это утверждение было несколько свернутым, полным местоименных дополнений, отделенных от инфинитива, что позволяло каждой части фразы жить как бы своей отдельной жизнью, причем каждая часть имела

свой особый, отчетливый смысл с тонкими, едва заметными отношениями между ними. Выразить эту мысль можно было так: «Они с Лето, отправляясь в путь, рисковали жизнью – фигурально или в действительности, что, в сущности, одно и то же. Результатом будет смерть, похожая на «ритуальное похоронное умерщвление». Часть фразы содержала обвинение в адрес выжившего: *действовать от имени живущего*. Любой ошибочный шаг сорвет весь план целиком, и поход Лето по Золотому Пути кончится ничем.

– Очень деликатно сказано, – согласился с сестрой Лето. Он раздвинул занавеси, и они вошли в свою переднюю.

Прислуга, занимавшаяся своими делами, отвлеклась от них только на мгновение, пока близнецы шли к проходу, ведущему в апартаменты госпожи Джессики.

– Ты не Осирис, – напомнила брату Ганима.

– Я даже не буду пытаться им быть.

Ганима взяла Лето за руку и заставила его остановиться.

– Алия дарсатай хаунус м'смов, – предупредила она.

Лето внимательно посмотрел в глаза сестры. От деяний Алии очень дурно пахло, и бабушка не могла не учуять этот запах. Мальчик понимающе улыбнулся сестре. Она использовала смесь древнего языка с фрименским суеверием, призывая древнее племенное знамение. М'смов, гнилостный запах летней ночи, считался предвестником смерти от рук демонов. Изида же была богиней демонов смерти у народа, на чьем языке говорили сейчас близнецы.

– Мы, Атрейдесы, имеем репутацию храбрецов, – сказал Лето.

– Смелостью мы завоюем то, что нам нужно, – поддержала его сестра.

– Или станем просителями перед регентшей, – добавил Лето. – Алия будет очень этому рада.

– Но наш план... – непроизвольно вырвалось у девочки.

Наш план, подумал брат. Она полностью приняла его.

– Наш план тяжел, как работа на поливе.

Ганима оглядела переднюю, которую они только что миновали, и вдохнула душный утренний запах. Все чувства были обострены ощущением причастности к вечному началу. Ей нравилось, как Лето пользуется древним языком. *Работа на поливе*. Это было обещание. Он назвал их план именем черной сельскохозяйственной работы, такой же, как удобрение, ирригация, прополка, пересадка и подрезка. По воззрениям фрименов, те же работы выполнялись и на том свете – только там они касались возделывания души.

Ганима внимательно изучала брата, пока они в нерешительности стояли в проходе, вырубленном в скале. Девочке все больше и больше становилось очевидно, что Лето действует на двух уровнях: во-первых, следует по Золотому Пути, явившемуся в его видении и видении отца, и, во-вторых, взял, с ее согласия, бразды правления в выработке весьма опасного мифа, который и породил этот план. Это очень напугало Ганиму. Было ли в видении Лето что-то такое, че-

го она не смогла с ним разделить в своем внутреннем знании? Мог ли Лето увидеть себя обожествленным, чтобы вести народ к возрождению в качестве сына своего бога-отца? Культ Муад'Дибба выродился, перебродил под действием дурных поступков Алии и правления военизированной касты священников, захвативших власть у фрименов. Лето хотел возрождения.

Он что-то от меня скрывает, подумала Ганима.

Она вспомнила, что он рассказывал ей о своем сне. То была столь яркая, цветная реальность, что после такого сна Лето несколько часов находился в состоянии какого-то оглушения. Он говорил, что сон всегда был одним и тем же.

Я – на песке, залитом ярким дневным светом, но солнца нет. Потом до меня доходит, что я сам – солнце. Мой свет сияет, как Золотой Путь. Поняв это, я покидаю свою оболочку. Обернувшись, я хочу посмотреть сам на себя, увидеть, каков я – солнце. Но оказалось, что я не солнце. Не настоящее солнце. Я изображен на песке, как детский рисунок человечка: палочки – глазки, палочки – ручки и палочки – ножки. В левой руке я держу скипетр – и это настоящий скипетр, в отличие от символической фигурки, которая его держит. Скипетр начинает двигаться, и это приводит меня в ужас. Я чувствую, что просыпаюсь, хотя я знаю, что еще сплю. Я понимаю, что закован в доспехи, которые движутся вместе с кожей. Я не могу видеть доспехи, но хорошо чувствую их. Ужас улечучивается, потому что доспехи

придают мне силы десяти тысяч человек.

Пока Ганима смотрела на Лето, тот попытался пойти дальше к покоям Джессики, однако Ганима осталась стоять на месте.

– Этот Золотой Путь может оказаться ничуть не лучше любого другого, – сказала она.

Лето потупил взор и посмотрел на каменный пол прохода. К Ганиме с удвоенной силой вернулись ее прежние сомнения.

– Я должен это сделать, – просто сказал он.

– Алия – одержимая, – произнесла Ганима. – То же самое может случиться и с нами. Может быть, это уже произошло, только мы ничего не замечаем.

– Нет, – он отрицательно покачал головой, поднял взгляд и посмотрел в глаза сестры. – Алия сопротивлялась. Это придало силу тем, кто находился внутри ее. Они победили ее с помощью ее же силы. Мы осмелились проводить поиск внутри себя, мы обнаружили там древние языки и древние знания. Мы – амальгама всех жизней, которые существуют внутри нас. Мы не сопротивляемся, мы движемся вместе с ними. Именно этому ночью научил меня отец. Именно этому я должен был научиться.

– Он ничего не сказал о том, что находится внутри меня.

– Ты слушала маму. Это то, что мы...

– Я почти растворилась.

– Ты все еще сильно ощущаешь ее присутствие?

– Да... но я думаю, что теперь она охраняет меня своей любовью. Ты был очень хорош, когда спорил с ней. – Ганима снова подумала об образе матери внутри себя и продолжила: – Наша мама существует теперь в Алам аль-Михтале вместе с другими. Мне кажется, что она вкусила плодов ада. Теперь я могу слушать ее без страха. Что же касается других...

– Да, – сказал Лето. – А я слушал отца, но мне кажется, что в действительности я следовал советам нашего деда, именем которого назвали и меня. Наверно, мне было легко его слушать по этой причине.

– Он не посоветовал тебе поговорить о Золотом Пути с бабушкой?

Лето помолчал, пока мимо не прошел слуга с завтраком для госпожи Джессики. В воздухе распространился густой запах зелья.

– Она живет и в нас, и в своей плоти, – сказал Лето. – Ее совета можно спросить дважды.

– Я не буду этого делать, – запротестовала Ганима. – Я не хочу снова так сильно рисковать.

– Тогда я сделаю это сам, – решил Лето.

– Мне казалось, что мы сошлись во мнении, что она вернулась в Общину Сестер.

– Все так. Бене Гессерит в начале ее пути, собственные творения в середине и опять Бене Гессерит в конце. Но помни, что в ней тоже течет кровь барона Харконнена, при-

чем у нее этой крови больше, поэтому они ближе друг другу и она делит с ним нечто большее, чем мы.

— Это очень мелкая формулировка, — возразила Ганима. — К тому же ты не ответил на мой вопрос.

— Не думаю, что упомяну Золотой Путь.

— Я могу это сделать.

— Гани!

— Нам не нужны больше боги Атрейдесов! Надо оставить место человеку!

— Разве я когда-нибудь это отрицал?

— Нет. — Она глубоко вздохнула и отвернулась. Из передней выглянул слуга, привлеченный шумом спора, но не понявший ни одного слова древнего языка.

— Мы должны это сделать, — сказал Лето. — Если мы потерпим неудачу и не сможем действовать, то нам останется только упасть на ножи.

При этом Лето использовал фрименское выражение, означавшее «отдать свою воду в племенную цистерну».

Ганима снова посмотрела на брата. Она была вынуждена с ним согласиться, но чувствовала себя загнанной в ловушку. Оба понимали, что день расплаты ждет их на пути и день этот неотвратим, что бы они ни сделали. Ганима знала об этом, причем ее знание было невероятно усилено данными, полученными от памяти других, обитавших в ее душе, но теперь девочка боялась той силы, которую она сообщила чужим душам, пользуясь данными их опыта. Эти души прятая

лись в закоулках ее сознания, как демоны, притаившиеся в густых зарослях.

Все они были таковы, за исключением ее матери, которая сохранила силу своей плоти, но отказалась от нее. Ганима все еще дрожала от этой внутренней борьбы. Она давно бы сдалась этим другим, если бы не сила убеждения Лето.

Лето сказал, что из этой ловушки только один выход – Золотой Путь. За исключением болезненного понимания того, что он что-то утаивает из своих видений, Ганима могла положиться на искренность брата. Он нуждался в ее плодотворном сотрудничестве для улучшения плана.

– Нас будут проверять, – сказал он, понимая, в чем сомневается сестра.

– Но не с помощью же зелья.

– Может быть, и так. Во всяком случае, нас проверят в Пустыне и в Суде Одержимых.

– Ты никогда не говорил о Суде Одержимых! – обвиняющим тоном проговорила Ганима. – Это тоже часть твоего сна?

Лето старательно откашлялся, в душе проклиная случайно вырвавшееся слово.

– Да.

– Значит, мы станем одержимыми?

– Нет.

Ганима подумала о Судилище – этом древнем фрименском суде, по окончании которого часто происходили зага-

дочные смерти. Кроме того, с их планом были связаны и другие сложности. Путь может привести их к тем границам, при переступании которых человек теряет контроль над собой и становится безумным.

Понимая, куда клонятся ее мысли, Лето сказал:

– Власть всегда привлекает психопатов. Вот чего нам надо избежать в наших душах.

– Ты уверен, что мы не станем... одержимыми?

– Нет, если сотворим Золотой Путь.

– Я не стану рожать твоих детей, Лето, – сказала Ганима, все еще преисполненная сомнений.

Лето тряхнул головой, отогнал случайные предательские слова и произнес на формальном королевском языке:

– Сестра моя, я люблю тебя больше, чем самого себя, но в моей любви нет чувственной нежности.

– Хорошо, тогда давай вернемся к другому спору, прежде чем идти к бабушке. Нож, вонзенный в грудь Алие, мог бы очень неплохо решить все проблемы.

– Верить в это – значит верить в то, что можно пройти по глине и не оставить следов, – сказал он. – Кроме того, Алиа вряд ли предоставит кому бы то ни было такую возможность.

– Все вокруг говорят о Джавиде.

– Неужели у Дункана уже прорезались рога?

Ганима пожала плечами.

– Одна порция яда, две порции яда.

То был ранжир, по которому властители во все времена

делили придворных по степени их опасности для правителя.

– Мы должны сделать это моим способом, – сказал Лето.

– Другой способ может быть чище.

По тону ее ответа брат понял, что сестра подавила свои сомнения и согласилась с его планом. Это понимание не принесло ему счастья. Он машинально посмотрел на свои руки, чтобы убедиться, не прилипла ли к ним грязь.

*Вот в чем заключалось достижение Муад'Диб: он рассматривал подсознание каждого индивида как банк совокупной памяти, восходящей к первичной клетке – источнику всеобщего бытия. Каждый из нас, говорил он, может измерить расстояние, отделяющее его от этого общего происхождения. Придя к такому выводу, Муад'Диб принял смелое решение. Он поставил себе задачу интегрировать генетическую память в процесс оценки текущих событий. Таким образом ему удалось прорвать завесу Времени, соединив прошлое и будущее в единое целое. Свое творение Муад'Диб воплотил в сыне и дочери.
(Завет Арракиса, Харк аль-Ада)*

Фарад'н расхаживал по оранжерее отцовского королевского дворца, глядя, как все короче становится его тень. Солнце планеты Салуса Секундус стремительно поднималось к зениту. Принцу приходилось непроизвольно удлинять шаг, чтобы не отставать от сопровождавшего его башара.

– Меня не оставляют сомнения, Тиеканик. Нет слов, конечно, трон очень привлекателен. – Он помолчал и тяжело вздохнул. – Но у меня так много других интересов.

Тиеканик, только что пришедший в себя после жестокого спора с матерью Фарад'на, искоса поглядывал на юношу,

отмечая, что к восемнадцати годам в его чертах начинает проступать мужественность. В мальчике все меньше оставалось от Венсии. Взрослея, Фарад'н становился похожим на старого Шаддама, который больше интересовался своими личными проблемами, нежели королевскими обязанностями. Именно это в конечном счете и стоило ему трона. Владыка не должен быть мягким.

– Вы должны сделать выбор, – сказал Тиеканик. – О, несомненно, надо оставить время и для личных интересов, но все же...

Фарад'н задумчиво пожевал нижнюю губу. Он находился здесь по обязанности, и это тяготило и подавляло его. С гораздо большим удовольствием он отправился бы сейчас в скалистый заповедник, где проводились опыты с песчаными форелями. Осуществлялся проект огромной значимости: речь шла о том, чтобы отнять у Атрейдесов монополию на зелье, после чего могло произойти все что угодно.

– Вы уверены, что близнецы будут... устранены?

– Этого нельзя сказать наверняка, но перспективы неплохие, мой принц.

Фарад'н пожал плечами. Убийство – обычное явление в жизни королей. Язык двора изобиловал всяческими тонкостями и намеками, обозначавшими способы убрать с дороги того или иного важного противника. Одним словом можно было дать понять, следует ли подсыпать яд в воду или добавить его в пищу. Принц думал, что Потриды будут устранены

с помощью яда. Эта мысль отнюдь не приводила Фарад'на в восторг. Близнецы были по всем признакам очень интересной парой.

– Нам придется ехать на Арракис? – спросил Фарад'н.

– Это лучшее, что можно предпринять для усиления нашего влияния.

Фарад'н явно хотел задать какой-то вопрос, но Тиеканик не мог понять, какой именно.

– Меня кое-что беспокоит, – сказал Фарад'н, приближаясь к углу живой изгороди и подойдя к фонтану, окруженному гигантскими черными розами. Было слышно, как в кустах ножницами работают садовники.

– Я слушаю вас, мой принц, – произнес Тиеканик.

– Эта... э-э... религия, которую вы исповедуете...

– В этом нет ничего странного, мой принц, – заговорил Тиеканик, надеясь, что сумел сохранить твердость голоса. – Эта религия обращается ко мне как к воину. Она очень подходит для сардаукара. (Последнее, во всяком случае, было чистой правдой.)

– Д-да, но моя мать тоже увлеклась ею.

Чертюва Венсия! – подумал Тиеканик. *Она сделала своего сыночка подозрительным.*

– Меня не очень заботит то, что думает по этому поводу ваша мать, – сказал Тиеканик. – Религия – сугубо личное дело. Возможно, она полагает, что это поможет вам вернуть трон.

– Так я и думал, – сказал Фарад’н.

У парня острый ум! – подумал Тиеканик.

– Разберитесь сами в этой религии, и вы поймете, чем она меня привлекает, – сказал он вслух.

– Но, однако... проповеди Муад’Дибя? В конце концов он же Атрейдес.

– На это могу сказать только одно: неисповедимы пути Господни.

– Ясно. Но скажите мне, Тиек, почему вы просите меня пойти с вами прямо сейчас? Обычно в это время дня вы выполняете те или иные приказания моей матери.

Тиеканик остановился возле каменной скамьи между фонтаном и гигантскими розами. Шум воды успокоил его, башар собрался с мыслями и заговорил.

– Мой принц, я сделал одну вещь, которая, видимо, не понравится вашей матери, – произнес он вслух, подумав при этом, что если Фарад’н ему поверит, то дьявольский план Венсии, пожалуй, сработает. *Доставить сюда проклятого Проповедника. Да она просто сумасшедшая. А какова цена!*

Тиеканик замолк в ожидании ответа.

– Так что вы сделали, Тиек? – поинтересовался принц.

– Я доставил сюда специалиста по онейромании, – ответил башар.

Фарад’н устремил на собеседника проницательный взгляд. Некоторые старые сардаукары играли в игры с тол-

кованием снов, это увлечение еще больше распространилось после поражения, которое они потерпели от Верховного Сновидца Муад'Диба. Они думали, что в сновидениях смогут найти обратный путь к славе и власти. Но Тиеканик всегда чурался таких игр.

– Это не похоже на вас, Тиек, – сказал Фарад'н.

– Тогда я могу говорить только о моей новой религии, – проговорил сардаукар, отвернувшись к фонтану. Этот разговор о религии послужит основанием для того риска, с которым связана доставка Проповедника.

– Да, тогда говорите о религии, – сказал Фарад'н.

– Как прикажете, мой принц. – Тиеканик повернулся лицом к собеседнику и внимательно взгляделся в это юное лицо, воплощение всех надежд Дома Коррино, воплощение того пути, по которому он собирался пойти. – Церковь и власть, мой принц, обычная наука и вера и даже более того: прогресс и традиция – все это соединено в учении Муад'Диба. Он учил, что непримиримые противоречия существуют только в представлениях человека и иногда в снах. Человек открывает будущее в прошлом, а оба они – часть единого целого.

Несмотря на сомнения, которые он пока не мог преодолеть, Фарад'н не мог отрицать, что его впечатлили слова Тиеканика. Принц услышал в голосе сардаукара сдержанную искренность, словно тот говорил вопреки собственным побуждениям.

– И для этого вы привезли мне этого... толкователя сно-

видений?

– Да, мой принц. Быть может, ваш сон пронзает Время. Вы вернете себе осознание своей внутренней сущности, если увидите Вселенную, как единое и связное целое. Ваши сновидения... видите ли...

– Но я рассказывал о своих сновидениях без всякой цели, – запротестовал Фарад'н. – Они любопытны, но не более того. Я и подозревать не мог, что вы...

– Мой принц, важно все, что вы делаете.

– Вы мне просто льстите, Тиек. Вы что, правда верите в то, что человек может проникнуть в сердце таинств.

– Да, мой принц.

– Тогда можете вызвать недовольство моей матери.

– Вы встретитесь с этим человеком?

– Конечно, поскольку вы привезли его, чтобы вызвать недовольство матери.

Не вздумал ли он меня дразнить? – подумал Тиеканик.

– Должен предупредить вас, что старик носит маску. Это иксианское приспособление, которое позволяет слепым видеть с помощью кожи.

– Он слеп?

– Да, мой принц.

– Он знает, кто я?

– Я сказал ему, мой принц.

– Отлично, идемте к нему.

– Если мой принц соизволит подождать, то я приведу это-

го человека сюда.

Фарад'н, улыбаясь, оглядел сад с фонтаном. Очень подходящее место для такого рода глупостей.

– Вы рассказали ему содержание моих сновидений?

– Только в общих чертах, мой принц. Он попросит вас сделать это лично.

Фарад'н отвернулся, и башар торопливо вышел. Принц задумчиво смотрел на видневшуюся над живой изгородью голову садовника, который равномерно работал ножницами, подстригая кустарник. В этих движениях было нечто гипнотическое.

Эта затея со снами – полная бессмыслица, подумал Фарад'н. Тиек неправильно сделал, что предварительно не посоветовался со мной. Странно и то, что Тиек в его годы вдруг стал религиозен. Теперь еще эти сновидения.

В этот момент слышались шаги – твердый солдатский Тиеканика и чья-то старческая шаркающая походка. Фарад'н обернулся и с интересом посмотрел на толкователя снов. Иксианская маска оказалась черным ячеистым приспособлением, покрывающим все лицо от лба до подбородка. Прорезей для глаз, естественно, не было. Иксианские хвастуны утверждали, что эта маска представляет собой один большой глаз.

Тиеканик остановился в двух шагах от принца, но старик подошел ближе.

– Толкователь сновидений, – представил его башар.

Фарад'н кивнул.

Старик в маске утробно кашлянул, словно пытался кашлем очистить желудок.

На Фарад'на пахнуло острым запахом зелья. Тот же запах исходил и от серой длинной накидки старика.

– Эта маска и вправду часть вашей плоти? – спросил Фарад'н, понимая, что хочет просто оттянуть начало разговора о сновидениях.

– Да, когда она на мне, – ответил старик гнусавым голосом с фрименским акцентом. – Ваш сон. Расскажите мне.

Фарад'н пожал плечами. *Почему бы и нет?* Ведь Тиек именно для этого привел сюда старика. Или нет? Сомнения вновь охватили Фарад'на, и он спросил:

– Вы действительно специалист по онейромании?

– Я явился сюда, чтобы истолковать ваш сон, могущественный господин.

Фарад'н снова пожал плечами. Этот персонаж в маске все больше и больше действовал ему на нервы. Принц оглянулся на Тиеканика, ища у того поддержки, но башар, скрестив руки на груди, стоял, отвернувшись к фонтану.

– Так рассказывайте ваш сон, – не отставал старик.

Фарад'н перевел дух и начал рассказывать. Чем полнее проникал он в воспоминание о сне, тем легче становилось ему говорить. Он повествовал о воде, бьющей из источника, о мирах, которые, словно атомы, пляшут у него в мозгу, о змее, которая превращается в песчаного червя, а потом взрывается облаком пыли. Рассказ о змее, как с удивле-

нием отметил принц, дался ему с большим трудом. Нежелание говорить подавляло, принца постепенно начал охватывать гнев.

Старик не проронил ни слова, когда Фарад'н закончил свой рассказ и замолчал. Черная ячеистая маска слабо шевелилась в такт дыханию. Молчание затягивалось.

Первым не выдержал Фарад'н.

– Вы не собираетесь толковать мой сон?

– Я уже истолковал его, – ответил старик замогильным голосом.

– Так рассказывай, – гнев Фарад'на нарастал.

– Я же сказал, что истолковал его, – заупрямился старик. –

Но я не согласен рассказывать вам о своем толковании.

От таких слов даже Тиеканик потерял свою обычную невозмутимость. Он опустил руки и крепко сжал кулаки.

– Что? – процедил он сквозь зубы.

– Я не обещал раскрывать свое толкование, – ответил старик.

– Тебе мало заплатили? – поинтересовался Фарад'н.

– Я не просил платы, когда меня везли сюда, – холодная гордость ответа немного смягчила гнев Фарад'на. Старику не откажешь в храбрости – он не мог не знать, что за такое неповиновение рискует поплатиться головой.

– Позвольте мне, мой принц, – выступил вперед Тиеканик. – Ты скажешь нам, почему не хочешь рассказать о своем толковании?

– Да, господа. Сон сказал мне, что бесцельно объяснять эти вещи.

Фарад'н не смог сдержаться.

– Ты хочешь сказать, что я и сам понимаю значение своего сна?

– Возможно, это и так, мой господин, но это уже не моя компетенция.

Тиеканик встал рядом с Фарад'ном. Оба сверлили старика горящими взглядами.

– Объяснись, – потребовал башар.

– Действительно, – поддержал сардаукара принц.

– Если бы я стал говорить об этом сновидении, исследовать суть воды и пыли, змей и червей, атомов, которые пляшут в вашей голове, как, впрочем, и в моей тоже, то, могущественный господин, мои слова вызвали бы у вас только растерянность, и вы бы обвинили меня в непонимании.

– Ты боишься, что твои слова вызовут мой гнев? – спросил Фарад'н.

– Мой господин! Вы и так уже охвачены гневом.

– Значит, ты нам не доверяешь? – вставил слово Тиеканик.

– Это очень близко к правде, мой господин. Я не доверяю вам обоим по той простой причине, что вы не доверяете сами себе.

– Ты очень близко подошел к краю пропасти, – предупредил старика Тиеканик. – Людей убивали и за менее дерзкое

поведение.

Фарад'н кивнул в подтверждение слов сардаукара.

– Не испытывай наш гнев, – сказал принц.

– Смертельные последствия гнева людей из Дома Коррино хорошо известны за пределами Салусы Секундус, – промолвил старик.

Тиеканик положил свою тяжелую руку на плечо Фарад'на.

– Ты пытаешься спровоцировать нас на твоё убийство?

Фарад'н, который только теперь подумал о такой возможности, почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Что могло означать такое поведение? Был ли этот человек, который называл себя Проповедником, могущественнее, чем казался? Каковы могли быть последствия его смерти? Мученики – очень опасные создания.

– Я сомневаюсь, что вы меня убьете, независимо от того, что я скажу, – проговорил Проповедник. – Я думаю, вы понимаете, в чем заключается моя ценность, башар, а теперь об этом догадывается и принц.

– Так вы наотрез отказываетесь толковать сон? – спросил Тиеканик.

– Я истолковал его.

– Но не скажете, что увидели в нём?

– Вы в чём-то обвиняете меня, мой господин?

– Но какую ценность вы можете для меня представлять? – поинтересовался Фарад'н.

Проповедник вытянул вперед правую руку.

– Мне стоит только подать знак вот этой рукой, как придет Дункан Айдахо и будет мне повиноваться.

– Что за дурацкое хвастовство? – взорвался Фарад'н.

Тиеканик, однако, с сомнением покачал головой, вспомнив свой спор с принцессой Венсией.

– Мой принц, это вполне может оказаться правдой. Этот Проповедник имеет на Дюне множество последователей.

– Почему вы раньше не сказали мне, откуда он? – спросил Фарад'н.

Тиеканик не успел открыть рот, как Проповедник заговорил, отвечая принцу.

– Мой господин, вам не стоит испытывать чувство вины перед Арракисом. Вы всего-навсего продукт своей эпохи. Это обычная реакция человека, когда его одолевает чувство вины.

– Вины? – в ярости воскликнул Фарад'н.

В ответ Проповедник только пожал плечами.

Как это ни странно, ярость принца внезапно превратилась в изумление. Откинув назад голову, он рассмеялся, чем вызвал недоумение Тиеканика.

– Ты мне нравишься, Проповедник, – сказал Фарад'н.

– Это доставляет мне радость, принц, – ответил старик.

Фарад'н с трудом подавил улыбку.

– Мы дадим тебе покой здесь, во дворце. Ты станешь официальным толкователем снов – даже если не будешь рассказывать мне о своих толкованиях. Но зато ты расскажешь мне

о Дюне, мне очень любопытно это место.

– Я не смогу воспользоваться вашим приглашением, принц.

Гнев Фарад'на вспыхнул с новой силой.

– Но почему?!

– Мой принц, – тихо сказал Тиеканик и тронул своего повелителя за руку.

– В чем дело, Тиек?

– Мы привезли его сюда по жесткому соглашению с Гильдией при условии, что он вернется на Дюну.

– Меня призывают назад, на Арракис, – подтвердил Проповедник.

– Кто призывает тебя? – требовательно спросил Фарад'н.

– Тот, кто обладает гораздо большей властью, чем твоя, принц.

Фарад'н вопросительно взглянул на Тиеканика.

– Он шпион Атрейдесов?

– Не похоже, мой принц. Алия назначила награду за его голову.

– Если это не Атрейдесы, то кто же призывает тебя? – Фарад'н снова обратился к Проповеднику.

– Тот, кто сильнее Атрейдесов.

Улыбка сбежала с лица принца. Это какая-то мистическая чушь. Как такой мошенник мог обмануть Тиека? Этот Проповедник точно призван, но, по всей видимости, собственными сновидениями, а какая важность может быть присуща

обыкновенному сну?

– Это была пустая трата времени, Тиек, – сказал Фарад’н. – Зачем вы разыграли со мной этот... фарс?

– Здесь имеет место двойная сделка, мой принц, – ответил Тиеканик. – Толкователь сновидений обещал сделать Дункана Айдахо агентом Коррино. За это он попросил организовать встречу с вами и истолковать ваш сон. *«Или обещал это Венсиччи!»* – мысленно добавил он. Башаром овладели новые сомнения.

– Почему мой сон так важен для тебя, старик? – спросил Фарад’н.

– Твой сон говорит мне, что великие события подходят к логической развязке, – ответил Проповедник. – Я должен ускорить свое возвращение.

Он просто смеется надо мной, подумалось Фарад’ну.

– И ты так и оставишь меня в неведении, не дав мне никакого совета?

– Советы, мой принц, очень опасная материя. Но я скажу тебе несколько слов, которые ты можешь по своему усмотрению считать советом.

– Я буду тебе очень признателен.

Проповедник подошел вплотную к принцу, приблизив к его лицу маску.

– Правительства приходят к власти и теряют ее от причин, которые часто кажутся незначимыми, принц. Какая малость! Спор двух женщин... направление ветра в определен-

ный день, кашель, чихание, длина платья или попадание песчинки в глаз придворного. Отнюдь не всегда ход истории диктуют могущественные имперские министры Его Величества и не всегда рука священника движется согласно воле Бога.

Фарад'н был немало смущен этими словами и не мог объяснить причину этого волнения.

Тиеканика же заинтересовала одна фраза. Почему Проповедник заговорил об одежде? Он подумал об имперской одежде, которую послали близнецам, и о тиграх, натренированных на людоедстве. Что, если старик высказывает завуалированные предупреждения? Как много он знает?

– Как понимать этот совет? – спросил Фарад'н.

– Если хочешь добиться успеха, – ответил Проповедник, – ты должен ограничить стратегию точкой ее приложения. К чему обычно прикладывают стратегию? Ее увязывают с определенным местом и привлекают для ее осуществления определенных людей. Но даже при преувеличенном внимании к мелочам некоторые детали неизбежно ускользнут от вашего внимания. Может ли твоя стратегия, принц, быть сведена к амбициям жены какого-нибудь местного правителя?

Тиеканик ледяным тоном перебил старика:

– Что ты рассуждаешь о стратегии, Проповедник? Что, ты думаешь, будет иметь от этого мой принц?

– Ему внушают стремление к трону, – ответил Проповед-

ник. – Я желаю ему удачи, но на этом пути ему потребуется нечто большее, чем простая удача.

– Это очень опасные слова, – заговорил Фарад'н. – Как ты осмеливаешься их произносить?

– Амбиции не подвержены воздействию реальности, – ответил Проповедник. – Я осмеливаюсь произносить эти слова потому, что ты, принц, стоишь на перепутье. Ты можешь стать достойным всяческого восхищения. Но сейчас тебя окружают те, кто не утруждает себя поисками моральных оправданий своим действиям, эти советники ориентированы только на стратегию. Ты молод, силен, крепок, но тебе не хватает некоторых навыков, которые развили бы твой характер. Это очень прискорбно, потому что у тебя есть слабости, измерения которых я только что описал.

– Что ты хочешь этим сказать? – потребовал ответа Тиеканик.

– Думай, что говоришь, – добавил Фарад'н. – Что это за слабости?

– Ты никогда не думал о том, какое общество для тебя предпочтительнее, – ответил Проповедник. – Ты не принимаешь в расчет надежды своих объектов. Ты не представляешь себе даже устройство той Империи, которой ты собираешься управлять.

Он повернулся к Тиеканику.

– Твой взор устремлен на власть, а не на ее тонкое использование и ее опасности. Поэтому твое будущее наполнено

ругающимися женщинами, кашлем и ветреными днями. Как сможешь ты создать эпоху, если не способен видеть каждой детали? Твой крепкий ум откажется служить тебе. В этом и заключается твоя слабость.

Фарад'н молча рассматривал Проповедника, поражаясь глубине затронутых им проблем, его преданности давно дискредитированным понятиям. Мораль! Социальная цель! Эти мифы давно выброшены за борт поступательным движением эволюции.

Молчание нарушил Тиеканик.

– Ну все, довольно слов. На какой цене мы сойдемся, Проповедник?

– Дункан Айдахо ваш, – ответил старик. – Используйте его по своему усмотрению, но могу сказать, что это бриллиант, не имеющий цены.

– У нас есть для него подходящая миссия. – Тиеканик взглянул на Фарад'на. – Мы уходим, мой принц?

– Отправляй его, пока я не передумал, – сказал Фарад'н, потом сверкнул глазами на Тиеканика. – Мне не нравится, как вы использовали меня, Тиек.

– Простите его, принц, – вмешался в разговор Проповедник. – Твой верный башар выполняет волю Бога, хотя и не догадывается об этом.

Поклонившись, старик направился к выходу, следом за ним поспешил Тиеканик.

Принц посмотрел им вслед и подумал: *Мне надо присмот-*

реться к религии, которую исповедует Тиек. Он печально улыбнулся. Каков толкователь сновидений! Но что проку? Мой сон совсем не важен.

И было у него видение доспехов. Доспехи эти не были его природной кожей, и были они прочнее стали. Ничто не могло пробить их – ни нож, ни яд, ни песок, ни пыль и иссушающая жара Пустыни. В правой руке его – держава, сила которой способна вызвать кориолисову бурю, потрясти Землю и превратить ее в ничто. Глаза его устремлены на Золотой Путь, а в левой руке несет он скипетр абсолютной, ничем не ограниченной власти. За Золотым Путем его взор проникает в вечность, питающую его душу и неистребимую плоть.
(«Вершины. Сон моего брата» из «Книги Ганимы»)

– Будет лучше, если я никогда не стану императором, – заговорил Лето. – О, я не хочу сказать этим, что совершил ошибку отца и заглянул в будущее с помощью склянки зелья. Я говорю об этом из чистого эгоизма. Нам с сестрой крайне необходимо время, чтобы научиться жить с тем, что мы собой представляем.

Он замолчал и вопросительно посмотрел на госпожу Джессику. Он высказал свою точку зрения, как они и договорились с Ганимой, а теперь ждал, что ответит бабушка.

При свете желтой лампы Джессика внимательно вгляделась в лицо своего внука. Было раннее утро второго дня ее пребывания здесь, но она уже успела получить тревожное из-

вестие о том, что дети провели ночь бдения за пределами сиетча. Что они там делали? Она плохо спала и чувствовала, что в крови накопилось слишком много кислот утомления и ей надо немедленно снизить уровень регуляции, который поддерживал ее в работоспособном состоянии с момента прибытия в космопорт. Сиетч остался таким же, каким он снился ей в ночных кошмарах, но Пустыня изменилась до неузнаваемости. *Откуда взялись все эти цветы?* Воздух стал слишком влажным. Ношение защитных костюмов делало молодежь слабой и рыхлой.

– В чем причина того, что ты – ребенок – хочешь иметь время, чтобы изучить себя?

Лето неторопливо покачал головой – этот жест взрослого человека в соединении с детским телом производил странное впечатление, но принц напомнил себе, что его задача – вывести бабушку из равновесия.

– Во-первых, я не ребенок. О... – Он дотронулся до своей груди. – Это детское тело, в этом не приходится сомневаться, но я не ребенок.

Джессика непроизвольно закусила губу, чем выдала свое волнение. Ее герцог, много лет назад погибший на этой проклятой планете, смеялся над этой привычкой, приговаривая при этом: *«Это твой единственный необдуманый ответ. Как только ты закусываешь губы, становится ясно, что ты волнуешься, и я целую тебя в губки, чтобы ты успокоилась»*.

И вот теперь ее внук, носивший имя герцога, потряс ее до оцепенения – мальчик улыбнулся и сказал:

– Ты взволнована; я вижу это по твоим трясущимся губам.

Джессике пришлось призвать на помощь всю закваску, полученную у Бене Гессерит, чтобы восстановить спокойствие. Это ей удалось.

– Ты смеешься надо мной?

– Смеяться над тобой? Никогда. Но я должен показать, что мы очень разные. Позволь мне напомнить о той достопамятной оргии в сиетче, когда Старшая Преподобная Мать передала тебе свои жизни и память. Она настроилась на тебя и передала эту... эту длинную цепь, каждое звено которой представляло собой чью-то память. Эти жизни до сих пор в тебе. Поэтому ты понимаешь, что испытываем мы с Ганимой.

– А Алия? – спросила Джессика, проверяя его.

– Разве ты не обсуждала это с Гани?

– Я хочу обсудить это с тобой.

– Очень хорошо. Алия отринула то, чем она была в действительности, свою истинную суть и стала тем, чего она всегда боялась. *Прошрое внутри* нельзя отсылать в бессознательное. Это плохо для любого человека, но для нас, тех, кто предрожден, это хуже смерти. Это все, что я могу сказать об Алие.

– Ты действительно не ребенок, – признала Джессика.

– Мне миллион лет. Это требует умения приспособиться,

умения, в котором люди никогда не нуждались.

Несколько успокоившись, Джессика кивнула. Следует быть намного осторожнее с этим мальчиком, чем с Ганимой. Кстати, где она? Почему Лето пришел один?

– Так вот, бабушка, я хочу спросить: мы – воплощение Мерзости или надежда Атрейдесов?

Джессика проигнорировала его вопрос.

– Где твоя сестра?

– Она отвлекает Алию, чтобы та не помешала нашей беседе. Это необходимо. Но Ганима не скажет тебе больше, чем сказал я. Разве ты не увидела этого вчера?

– То, что я увидела вчера, касается только меня. Почему ты вдруг начал болтать о Мерзости?

– Болтать? Не надо кормить меня жаргоном Бене Гессерит, бабушка. Я верну его тебе назад, слово за словом, и буду черпать их из глубин твоей собственной памяти. Я хочу большего, чем твоя закушенная губа.

Джессика в растерянности только покачала головой, чувствуя, как на нее повеяло холодом от этой... *маски*, в которой текла ее кровь. Его превосходство смирило ее. Стараясь приспособиться к его тону, Джессика спросила:

– Что тебе известно о моих намерениях?

В ответ Лето хмыкнул.

– Тебе нет нужды спрашивать, совершил ли я ошибку своего отца. Я не стал выглядывать из сада времени – во всяком случае, у меня не было такой цели. Оставим абсолютное зна-

ние будущего тем моментам *deja vu*, которые может испытать любой человек. Я *знаю* о капкане предзнания. Жизнь моего отца многое рассказала мне об этом. Нет, бабушка, абсолютное знание будущего – это абсолютная ловушка. Такое знание приводит к коллапсу Времени. Настоящее становится будущим, а мне нужна большая свобода.

Джессика чувствовала, что ее язык подергивается от желания заговорить, но может ли она сказать ему то, чего он еще не знает? Это было чудовищно! *Это же я! Это мой возлюбленный Лето!* Мысль потрясла ее. Какое-то мгновение ей казалось, что детская маска вот-вот упадет и откроются дорогие черты... но нет!

Мальчик, склонив голову, внимательно смотрел на бабушку. Да, в конце концов ею можно управлять.

– Когда думаешь о предзнании, что, я надеюсь, случается редко, то практически ничем не отличаешься от прочих людей. Очень многие воображают, что было бы прекрасно знать завтрашние цены на китовую шкуру или знать о том, сумеют ли Харконнены снова захватить свои владения. Но мы знаем о Харконненах и без предзнания, не правда ли, бабушка?

Она не клюнула на его приманку. Конечно, он знает о том, что проклятые Харконнены – наши предки.

– Кто такой этот Харконнен? – спросил Лето, провоцируя Джессику. – Кто этот Зверь Раббан? Он – каждый из нас, да? Но я отвлекся: суть популярного мифа о предзнании – абсолютное знание будущего! Всего будущего! Знать, что можно

сделать состояние – или потерять его, – вот в чем видят абсолютное знание, верно? В это верит чернь. Она верит в то, что чем больше, тем лучше. Великолепно! И если этим людям вручить полный сценарий их жизни, неизменные до самой смерти диалоги, то это будет поистине дьявольский дар, исполненный невыносимой скуки! Каждую секунду человек будет проигрывать то, что он и так целиком и полностью знает наперед. Не будет никаких отклонений. Знать каждый ответ, каждую реплику – снова, и снова, и снова...

Лето тряхнул головой.

– В незнании содержится огромное преимущество. Вселенная сюрпризов – вот о чем я молю для себя!

То была долгая речь, все время которой Джессика не могла надивиться манерой и интонациями внука, которые были так похожи на манеру говорить его отца – ее потерянного сына. Даже идеи были сходны – так мог бы говорить и Пауль.

– Ты напомнил мне сейчас твоего отца, – сказала она.

– Это причинило тебе боль?

– В какой-то степени да, но зато теперь я знаю, что он живет в тебе.

– Ты не слишком верно представляешь, как именно он живет во мне.

В ответе внука Джессике послышалась затаенная, но сильная горечь. Она взглянула в глаза Лето.

– Или как во мне живет твой герцог, – продолжал внук. – Бабушка, Ганима – это *ты*! Она настолько идентична с то-

бой, что хранит всю твою память, начиная с того момента, когда ты родила нашего отца. И меня тоже! Я – ходячий каталог телесной памяти. Иногда это становится трудно выносить. Ты приехала сюда судить нас? Ты приехала судить Алию? Но лучше мы будем судить тебя!

Джессика изо всех сил пыталась найти ответ, но ответа не было. Что он делает? Почему так настаивает на своей особенности? Ищет ли он отвержения? Постиг ли он состояние Алии – Мерзость?

– Тебя это очень волнует, – заметил Лето.

– Да, это волнует меня. – Джессика позволила себе небрежно пожать плечами. – Да, это сильно меня тревожит, и ты прекрасно знаешь причину. Я уверена, что ты проник в суть моей подготовки у Бене Гессерит. Это признала и Ганима. Я знаю, что... сделала Алиа. А ты понимаешь последствия своего отличия от прочих.

Он посмотрел на бабушку снизу вверх напряженным взглядом.

– Мы не приняли твою линию, – его голос, казалось, был пропитан усталостью Джессики. – Мы знаем, что дрожание губ – это признак твоего волнения, не хуже, чем это знал твой герцог. Мы можем по своей воле вызвать в памяти все те ласковые слова, которые шептал тебе в спальне твой возлюбленный. Ты восприняла все это с помощью интеллекта, в этом нет никакого сомнения. Но я хочу предупредить тебя, что интеллектуальное приятие – это еще не все. Если кто-то

из нас проникнется Мерзостью, то именно твое присутствие в нас сотворит это! Либо мой отец, либо моя мать! Твой герцог! Мы можем стать одержимыми каждым из вас – результат будет одним и тем же.

Джессика ощутила жжение в груди, на глаза ее навернулись слезы.

– Лето, – с трудом произнесла она, впервые называя внука по имени. Боль оказалась меньше, чем она ожидала, и Джессика смогла говорить дальше: – Что ты хочешь от меня?

– Мне придется учить мою бабушку.

– Учить меня – чему?

– Прошедшей ночью мы с Ганимой играли роли матери и отца. Мы едва уцелели, но зато многому научились. Есть вещи, которые можно знать, если осознаешь условия, в которых находишься. Действия можно предвидеть. Например, Алия – это можно утверждать с очень высокой определенностью – плетет заговор с целью вывести тебя из игры.

Джессика была потрясена таким скорым обвинением. Она знала этот трюк и сама много раз им пользовалась – человека ведут по одной линии рассуждений, а потом обрушивают на его голову рассуждение из другой парадигмы. Она сделала глубокий вдох и взяла себя в руки.

– Я знаю, что делала Алия... и кто она, но...

– Бабушка, пожалей ее. Пользуйся не только своим умом, но и сердцем. Ты же умела делать это раньше. Ты же представляешь для нее угрозу, а Алия хочет заполучить Импе-

рию, вернее сказать, этого хочет то, во что превратилась Алия.

– Как я смогу понять, что это говорит не Мерзость?
Лето пожал плечами.

– Вот здесь-то и надо воспользоваться сердцем. Мы с Гани хорошо знаем, как пала Алия. Очень нелегко противостоять воплям всей толпы внутренних образов. Попробуй подавить их «я» – и они будут возникать всякий раз, когда ты решишь воспользоваться памятью. Настанет день, – Лето сглотнул слюну, чтобы смочить пересохшее горло, – и какая-нибудь сильная личность внутри тебя захочет разделить с тобой твою плоть.

– И... с этим ничего нельзя поделать? – спросила Джессика, со страхом сознавая, что знает ответ.

– Мы думаем, что кое-что можно сделать... да. Мы не можем довериться зелью – это слишком высокая вершина, а нам нельзя полностью подавлять будущее. Мы должны его использовать, сделать из него нечто вроде амальгамы, вплетая прошлое в свою настоящую сущность. Мы, конечно, перестанем быть исходными самостями, но зато и не станем одержимыми.

– Ты говорил о заговоре с целью моего устранения.

– Он очевиден. Венсия лелеет амбиции в отношении своего сына. Алия же имеет свои собственные амбиции и...

– Алия и Фарад'н?

– На это пока нет четких указаний, но Алия и Венсия

идут параллельными курсами. У Венсии есть сестра в доме Али. Нет ничего проще, чем отправить послание...

– Ты знаешь о таком послании?

– Я даже дословно знаю его содержание.

– Но воочию ты его не видел?

– В этом нет никакой нужды. Надо только знать, что все Атрейдесы находятся здесь, на Арракисе. Вся вода в одной цистерне, – Лето махнул рукой, словно желая обвести контуры планеты.

– Дом Коррино не осмелится атаковать нас здесь.

– Алие будет очень выгодно, если они все же решатся. Насмешливые нотки в голосе Лето вывели Джессику из равновесия.

– Я не желаю, чтобы меня опекал собственный внук! – воскликнула она.

– Черт возьми, женщина, перестань думать обо мне, как о своем внуке! Думай обо мне, как о своем *герцоге* Лето!

Выражение лица и характерный жест были настолько верны, что Джессика в растерянности умолкла.

– Я пытался подготовить тебя. Предоставь мне хотя бы это, – отчужденно и сухо произнес внук.

– Но почему Алиа должна меня устранить?

– Естественно, для того, чтобы возложить вину на Дом Коррино.

– Я не верю в это. Даже для нее это было бы... чудовищно! Слишком опасно! Как она сможет сделать это без... Нет, я

не могу в это поверить!

– Поверишь, когда это случится. Ах, бабушка, нам с Гани надо было лишь прислушаться к самим себе, чтобы *узнать* это. Это же простое самосохранение. Как иначе можем мы распознать ошибки, которые совершаются вокруг нас?

– Я ни на минуту не могу принять, что мое устранение входит в планы Алии и...

– Господи! Ну как ты, выученица Бене Гессерит, можешь быть такой тупой? Вся Империя почти наверняка знает, зачем ты здесь. Сторонники Венсии делают все от них зависящее, чтобы дискредитировать тебя. Алия просто не может ждать. Если ты падешь, то Дом Атрейдес не переживет смертельного удара.

– Так о чем же почти наверняка знает вся Империя?

Теперь она трезво и холодно взвешивала каждое слово, ибо понимала, что никакими доводами не сможет она обмануть это *недита*.

– Она уверена, что госпожа Джессика хочет соединить в браке близнецов, – хрипло произнес Лето. – Этого желает Община Сестер. Она хочет инцеста!

Джессика часто заморгала глазами.

– Пустые слухи, – возразила она и нервно сглотнула. – Бене Гессерит не допустит, чтобы такие слухи циркулировали по империи. У нас есть еще кое-какое влияние, запомни это.

– Слухи? Какие слухи? У тебя совершенно точно есть такой выход – сочетать нас браком. – Он потрянул головой и

продолжил: – Не отрицай этого. Нам надо созреть в этом доме, в котором ты будешь жить вместе с нами, хотя твое влияние – это не более чем грязная тряпка, которой размахивают перед лицом песчаного червя.

– Ты что, действительно думаешь, что мы такие отпетые дураки? – спросила Джессика.

– Да, действительно. Ваша Община Сестер – это не что иное, как сборище выживших из ума старых баб, которые как курица с яйцом носят со своей любимой селекционной программой! Мы с Гани знаем, какие рычаги у них есть. Надеюсь, ты не считаешь нас дураками?

– Рычаги?

– Они знают, что ты из рода Харконненов! Они знают об этом из своих записей: Джессика дочь Танидии Нерус от барона Владимира Харконнена. Если эту запись *случайно* опубликовать, то все твои зубы...

– Ты полагаешь, что Община Сестер опустится до шантажа?

– Я *знаю*, что они это сделают не колеблясь. Нет, они, конечно, прикроют это весьма ласковыми словами и искренней заботой. Они сказали тебе, что надо проверить слухи о твоей дочери. Они разбудили в тебе любопытство и страх. Они воззвали к твоему чувству ответственности, они заставили тебя ощутить вину за то, что ты вернулась на Каладан. Они предложили тебе план *спасения* твоих внуков.

Джессика могла лишь молча слушать Лето. Было такое

впечатление, что он слышал каждое слово, произнесенное на эмоциональных встречах с доверенными Сестрами из Общины. Она полностью доверилась его словам и теперь была склонна думать, что суждения Лето в отношении Алии были справедливыми.

– Теперь ты видишь, бабушка, что мне пришлось принять нелегкое решение, – сказал он. – Следую ли я мистике Атрейдесов? Живу ли я для выполнения своих задач... и умру ли я ради них? Или мне надо выбрать иной путь – путь, который позволит мне прожить тысячу лет?

От этих слов Джессика непроизвольно отпрянула назад. Эти столь непринужденно сказанные слова коснулись предмета, который Община Сестер сделала практически невыносимым. Многие Преподобные Матери могли выбрать этот путь... и даже пытались это сделать. Манипуляции с биохимией организма были доступны всем посвященным в Общину, но если это сделает один человек, то и другие захотят попробовать. Такому накоплению женщин, не имеющих возраста, нельзя было бы положить предел. Сестры точно знали, что это путь к самоуничтожению, ибо все остальные смертные ополчатся против них. Нет, этот выход был невыносим.

– Мне не нравится ход твоих мыслей, – сказала она.

– Ты не понимаешь моих мыслей, – ответил Лето. – Гани и я... – он снова покачал головой. – У Алии было в руках это оружие, но она его отбросила.

– Ты в этом уверен? Я уже послала в Общину отчет о том,

что Алия практикует немыслимое. Посмотри на нее! Она несколько не постарела с тех пор, как я в последний раз...

— Ах, это! — движением руки Лето отмел прочь упоминание о телесном равновесии Бене Гессерит. — Я говорю о другом — о том совершенстве, которое выходит далеко за пределы, достижимые обычным человеком.

Джессика хранила молчание, пораженная той легкостью, с которой внук уничтожал ее маскировку. Он точно знал, что такое сообщение — это смертный приговор Алие, и не важно, какие он при этом произносит слова, — важно, что он хочет сделать то же самое. Понимает ли он всю опасность и вредность своих слов?

— Ты должен объясниться, — выдавила из себя Джессика.

— Каким образом? — спросил он. — Если ты не поймешь, что Время — это совсем не то, чем оно кажется, то мне не стоит даже начинать приступать к объяснению. Мой отец подзревал это. Он стоял на краю понимания, но не удержался и пал. Теперь настала наша с Гани очередь.

— Я настаиваю на объяснении, — произнесла Джессика и нащупала в складках накидки отравленную иглу. Это был гом джаббар, смертельный настолько, что легкий укол вызывал практически мгновенную смерть. *Меня предупреждали, что, возможно, придется им воспользоваться*, подумала она. От этой мысли рука ее задрожала, и Джессика была очень благодарна за то, что одежда скрыла эту дрожь от глаз Лето.

– Ну хорошо, – со вздохом сказал внук. – Во-первых, что касается Времени: нет никакой разницы между тысячью лет и одним годом, между сотней тысяч лет и одним мгновением. Нет никакой разницы. Это первый факт, касающийся Времени. А вот и второй факт: вся Вселенная со всем ее временем находится внутри меня.

– Что это за бессмыслица? – поинтересовалась Джессика.

– Вот видишь? Ты ничего не поняла. Попробую объяснить это другим способом, – он поднял руку, иллюстрируя ее движениями свои слова. – Мы движемся вперед, потом движемся назад.

– Эти слова ничего не объясняют!

– Это верно, – согласился Лето. – Есть вещи, которые нельзя объяснить словами. Их должно почувствовать без слов, но ты не готова к такому восприятию, потому что смотришь на меня, но не видишь.

– Но... я же смотрю прямо на тебя, значит, я без сомнения тебя вижу, – она действительно уставила на него свой горящий взор. Его слова были отражением знания Кодекса Дзенсунни, которому ее саму учили в школе Бене Гессерит: игра словами, имеющая целью исказить понимание собеседником основ философии.

– Некоторые вещи происходят вне нашего контроля, – сказал Лето.

– Но как таким путем можно объяснить это... это *совершенство*, которое столь далеко выходит за пределы челове-

ческого опыта?

Он кивнул.

– Если человек задерживает наступление старости с помощью меланжи или регуляцией телесных процессов, чего столь обоснованно боятся посвященные Бене Гессерит, то такая задержка является лишь иллюзией контроля. Быстро пройдет человек из одного края сиегча в другой или медленно, он все равно пересечет сиегч. Течение же времени ощущается лишь внутренне.

– Зачем ты играешь словами? Я сломала свои зубы мудрости на этой чуши, когда твой отец еще не родился.

– Росли только зубы, но не мудрость, – отпарировал Лето.

– Слова! Одни только слова!

– Ах, как ты близка к истине!

– Ха!

– Бабушка?

– Что?

В ответ он выдержал длинную паузу, потом заговорил:

– Вот видишь, ты можешь отвечать искренне. – Он улыбнулся. – Но ты не можешь видеть сквозь тень. Посмотри, я же здесь. – Он снова улыбнулся. – Мой отец подошел очень близко к этому открытию. Пока он жил – он жил, но умереть ему не удалось.

– О чем ты говоришь?

– Покажи мне его тело!

– Ты думаешь, что этот Проповедник...

– Возможно, но даже если это и так, то это не его тело.

– Ты мне ничего не объяснил, – в тоне Джессики прозвучало обвинение.

– Я тебя предупреждал.

– Тогда почему...

– Ты очень просила, и я вынужден был тебе показать. Теперь давай вернемся к Алие и ее плану твоего устранения для...

– Ты хочешь сделать невозможное? – спросила Джессика и приготовила к действию отравленную иглу гом джаббара.

– А ты хочешь стать ее палачом? – вкрадчиво спросил он и указал рукой на пальцы бабушки под накидкой. – Неужели ты думаешь, что она позволит тебе этим воспользоваться? Или ты воображаешь, что я позволю это сделать?

Джессика хотела глотнуть, но мышцы не повиновались ей.

– Отвечаю на твой вопрос, – продолжал Лето. – Я не хочу исполнить невозможное, я не настолько глуп. Но я поражаюсь тебе. Ты осмеливаешься судить Алию. Ну конечно, она же нарушила любезные твоему сердцу заповеди Бене Гессерит! Чего ты ждешь? Ты сбежала отсюда и фактически оставила ее королевой, не утвердив в должности официально. Оставила ей всю власть! Отправилась на Каладан зализывать раны в объятиях Гурни. Очень хорошо. Но кто ты такая, чтобы судить Алию?

– Еще раз говорю тебе, я не буду об...

– Заткнись! – он с отвращением отвернулся. Слово было

произнесено специальным способом, разработанным Бене Гессерит, – это был *Голос*, которому повиновались все, кто его слышал. Джессика замолчала, словно рот ей заткнули ладонью. Женщина подумала: *Кто же еще мог лучше воспользоваться Голосом, чем этот мальчик?* Этот аргумент подсластил пилюлю и унял расходившиеся было чувства. Как часто она сама пользовалась Голосом в отношении других, но никогда не думала, что она столь же подвержена ему... такого не было никогда... даже в дни учения, когда...

Он снова повернулся к бабке лицом.

– Прошу прощения. Я только теперь убедился, как слепы ты можешь реагировать, если...

– Слепо? Я? – Это замечание привело ее в большую ярость, чем то, что он осмелился усмирить ее Голосом.

– Ты, – ответил он. – Слепо. Если в тебе осталась хоть капля честности, то ты оценишь свою реакцию. Я называю твое имя и ты отвечаешь: «Да?» Я призываю все мифы твоего Бене Гессерит. Взгляни, как тебя учили. По крайней мере хоть это ты можешь для себя сделать...

– Как ты смеешь? Что ты знаешь... – голос ее предательски сорвался. Конечно, он знает!

– Всмотрись в себя! – в его голосе прозвучал металл.

Голос снова изменил Джессике. Чувства ее застыли, дыхание участилось. Где-то вне сознания остались трепещущее сердце и боль в груди. Внезапно до Джессики дошло, что учащенное дыхание и сердцебиение не поддавались контролю

по Бене Гессерит. Это осознание потрясло ее: плоть, ее собственная плоть подчинилась чужой воле. Она с трудом восстановила равновесие, но воспоминание о пережитом осталось. Это *недитя* играло на ней, как на послушном, хорошо настроенном инструменте.

– Теперь ты понимаешь, как глубоко ты обусловлена своими любимыми сестрами из Бене Гессерит, – сказал он.

Она смогла только кивнуть в ответ. Лето заставил ее взглянуть прямо в глаза ее физической сущности, и она была потрясена открывшимся ей осознанием. «*Покажи мне его тело!*» Он показал ей ее тело так, словно она была новорожденной. С времен своей учебы в Валашской школе, с того ужасного дня, когда прибыли покупатели герцога, не чувствовала Джессика такой ужасной неуверенности в следующем мгновении.

– Ты позволишь устранить себя, – сказал Лето.

– Но...

– Я не собираюсь обсуждать эту тему, – сказал он. – Ты позволишь. Считай это приказом своего Герцога. Ты увидишь цель, когда все будет сделано, при этом ты столкнешься с очень интересным студентом.

Лето встал и коротко поклонился.

– Некоторые действия имеют конец, но не имеют начала; некоторые начинаются, но не имеют конца. Все зависит от того, где находится наблюдатель.

Повернувшись, он вышел из покоев.

Выйдя в переднюю, он столкнулся с Ганимой, спешившей в их апартаменты. Увидев брата, она остановилась.

– Алия на Совете Веры, – сказала Ганима и вопросительно взглянула на проход, ведущий в покои Джессики.

– Подействовало, – ответил Лето на немой вопрос сестры.

Жестокость с легкостью распознается как таковая, как жертвой, так и преступником, всеми, кто узнает о ней даже издалека. Жестокость нельзя простить; она не может иметь смягчающих обстоятельств. Жестокостью невозможно ни уравновесить, ни оправдать прошлое. Жестокость готовит будущее к еще большей жестокости. Она совершает преступление сама над собой – это варварская форма первобытного инцеста. Тот, кто совершает жестокость, воспитывает жестокость и в будущих поколениях.
(Апокрифы Муад'Диб)

Вскоре после полудня, когда большинство паломников направились в поисках благодетельной тени и дешевой выпивки, Проповедник вступил на большую площадь у подножия Храма Алии. Сейчас он держался за руку своих искусственных глаз – юного Ассана Тарика. В кармане под полой развевающейся накидки лежала черная ячеистая маска, которую он надевал на Салусе Секундус. Было забавно думать, что и маска, и мальчик служили одной цели – притворству и обману. Пока ему были нужны глаза-суррогаты, продолжали существовать сомнения.

Пусть миф растет, но сомнения должны оставаться жить, думал он.

Ни один человек не должен догадываться, что маска — это всего лишь кусок материи, а не иксианский шедевр; рука его не должна соскальзывать с костлявого плеча Ассана Тарика. Стоит только Проповеднику предстать перед людьми зрячим, несмотря на пустые глазницы, как отпадут все сомнения. Умрет даже та малая надежда, которую он пестовал. Каждый день он молился об изменениях, о каком-нибудь отличии, о которое можно было бы споткнуться, но даже на Салусе Секундус все было гладко, как на прибрежной гальке, все было заранее известно. Ничто не изменилось; ничто и не могло измениться... пока.

Многие видели, как он шел мимо лавок и аркад, замечая при этом, как он время от времени поворачивает голову из стороны в сторону, явно рассматривая витрину или человека. Движения его не были похожи на движения слепого, и это поддерживало и усиливало миф.

Алия следила за Проповедником сквозь прикрытую бойницу на стене храма. Женщина внимательно рассматривала покрытое шрамами лицо, ища в нем надежные признаки идентификации. Ей докладывали обо всех слухах. Каждый новый слух возбуждал страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.